

Память сердца

СБОРНИК СТИХОВ ФИНАЛИСТОВ
КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ
НА ПРИЗ ИМЕНИ БОРИСА БОГАТКОВА

НОВОСИБИРСК
2021

Муниципальное казённое учреждение культуры
города Новосибирска «Централизованная библиотечная
система им. Л. Н. Толстого Октябрьского района»

Память сердца

**СБОРНИК СТИХОВ ФИНАЛИСТОВ
КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ
НА ПРИЗ ИМЕНИ БОРИСА БОГАТКОВА**

НОВОСИБИРСК
2021

Сборник издан при поддержке
Конкурса социально значимых проектов для предоставления грантов
в форме субсидий в сфере поддержки общественных инициатив
управления общественных связей
мэрии города Новосибирска

Распространяется бесплатно

Память сердца:

Сборник стихов финалистов Конкурса молодых поэтов на приз имени Бориса Богаткова/ отв. за выпуск Л. А. Игнатова, нач. рекламного-издательского отдела МКУК ЦБС Октябрьского района. Дизайн, вёрстка и иллюстрации О. П. Ворониной. – Новосибирск: МКУК ЦБС Октябрьского района, 2021. – 96 с.: ил.

Поэзия молодого поколения жива!

Писать о Великой Отечественной войне во время или после войны было проще. Почему интересно читать произведения, написанные фронтовиками? Они писали о том, что видели сами. В каждом слове – боль потери, радость прожитого дня, победные слёзы. Этим словам можно было верить – или в них сложно было поверить. Но это фронтовая правда.

Писать о Великой Отечественной войне сегодня – это сверхзадача. Нужно так проникнуться темой, чтобы слёзы шли изнутри тебя, чтобы ты ощутил ту боль как свою собственную. Но ещё сложнее добиться того, чтобы тебе *поверили*, чтобы искренность написанного вызывала слёзы и взывала к новому прочтению. Можно просто писать общими фразами, но тогда теряется суть. А можно прожить целую жизнь в нескольких строках.

Конкурсные стихотворения я читал поздно вечером. Днём этого делать нельзя, да и времени свободного крайне мало. Именно вечером раскрывается суть слога. Читая о том, как молодые поэты пишут о своих предках, приходишь к выводу, что, независимо от того, хорош слог или недостаточно проработан, они смогли мысленно воссоединиться со своими героями.

Когда я читал конкурсные работы, передо мной проходили сотни солдат. Сотни сцен на те или иные мотивы. Сотни судеб – утраченных или переживших войну. Вот и попробуй, сумей выбрать те, которые первые, вторые, третьи, гран-призовые...

В этом году тематика конкурса стала шире: работы о родине – вчера, сегодня и со взглядом в будущее, о жизни, о повседневности... А как ребята описывают свою малую родину! Скажу откровенно, это не моя тема, но как хороши описания деревень, бабушек, русских дорог... Моё детство прошло в посёлке Коченёво под Новосибирском, и, читая ваши стихи, я мыслях возвращаюсь на свою малую родину.

Отдельное место в конкурсе занимают работы о матери. Вот здесь особая боль. Вчитайтесь: *«Не сберёг родного человека! Всё дела... Куда-то всё спешил. Отмолить мой грех не хватит века... Как я раньше равнодушно жил!»* Это про каждого из нас в технологическую эпоху, когда времени на родного человека не остаётся...

Нет! Поэзия молодого поколения жива! Борис Богатков прожил мало, написал мало, но ярко. Нужно успевать! У молодого поэта времени писать немного! Как показывает конкурс – мы открываем для себя новые имена. В данном сборнике представлены работы, которые чуть лучше написаны или чуть лучше передают тему. Первые среди равных. Читайте, пишите, участвуйте!

Сергей Ковальчук,
дипломант Конкурса 2018 и 2019 годов,
член жюри 2020 и 2021 годов

Юбилейный V Конкурс молодых поэтов на приз имени Бориса Богаткова

Начиная с 2017 года Централизованная библиотечная система им. Л. Н. Толстого Октябрьского района и созданная на её базе Новосибирская региональная общественная организация сохранения историко-культурного наследия «Библиотечное сообщество «Наследники Будагова» проводят поэтический конкурс на приз имени Бориса Богаткова. Участники Конкурса – молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет. Работы представлены в нескольких номинациях: «Я только слышал о войне» – поэтические произведения, посвящённые Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.; «Судьба и Родина едины!» – гражданская социальная лирика; «Возьмёмся за руки, друзья!» – поэтические произведения о мире без войн.

Для эффективной организации и осуществления Конкурса мы ежегодно участвуем в конкурсах социально значимых проектов разных уровней. В 2019 г. мы стали победителями Фонда президентских грантов. В этом году Конкурс проходит при грантовой поддержке управления общественных связей мэрии города Новосибирска.

За пять лет Конкурс вышел за рамки городского и стал международным. В нём приняли участие молодые люди 68 регионов Российской Федерации и 9 зарубежных стран. В 2021 году 402 поэта из разных уголков нашей страны прислали на Конкурс более 850 стихотворений.

Оценивает конкурсные работы жюри, в состав которого входят представители Новосибирского отделения Союза писателей России, Совета ветеранов, ведущие специалисты МКУК ЦБС Октябрьского района, представители общественности города. Возглавляет жюри известный новосибирский писатель, поэт и журналист Игорь Маранин. Победителям вручаются дипломы и призы. Жюри оставляет за собой право присуждать гран-при и другие специальные призы. По итогам Конкурса лучшие работы опубликованы в этом поэтическом сборнике.

Результаты пятого года Конкурса:

Гран-при – П. Великжанин (Волгоград) за цикл стихотворений.

Номинация «Я только слышал о войне»

- 1 место – К. Товескин (Омск) «Победная» гармонь»
- 2 место – Л. Ягналиева (Канаш, Чувашская республика) «Бабуля»
- 3 место – З. Бикмулина (Москва) «Вставай! – натянулась кварта»

Номинация «Судьба и Родина едины!»

- 1 место – Е. Харитонов (Белгород) «Возвратите мне Россию»
- 2 место – И. Щитов (Санкт-Петербург) «Я хочу в далекую деревню»
- 3 место – Н. Шпиякина (Новосибирск) «Я попрошу...»

Номинация «Возьмёмся за руки, друзья!»

- 1 место – В. Заборцева (Пинега, Архангельская область) «Девятая баня»
- 2 место – В. Ситенко (Рубцовск, Алтайский край) «Одуванчик»
- 3 место – Д. Бобылев (Санкт-Петербург) «Пускай к земле все ближе с каждым годом...»

РАЗДЕЛ 1

Наши победители

ГРАН-ПРИ КОНКУРСА

Великжанин Павел

Цикл стихов

Баллада о целлулоидных пупсах

Целлулоидные пупсы, ручки-ножки на резинках,
Производства Ленинграда (что на Охте, химзавод),
Едут в детских чемоданах, узелочках и корзинках,
И не слышат: кто-то плачет, кто-то мамочку зовёт.

И не слышат: стонут рёбра старой баржи от напора
Ветра встречного с востока, лютых ладожских валов.
И не слышат: стонет небо, гнётся небо, рухнет скоро –
Вместе с рухнувшей из тучи стаей воющих «крестов».

И с тяжёлой чёрной каплей, просочившейся в ладонях,
Побелевших на штурвале... Не успел наш военлёт...
«Крест» дымит. Но баржа тонет...

И холодный мир бездонен.

И на день девятый – сверху нарастает ломкий лёд.

... Целлулоидные пупсы из распавшихся корзинок
Поднялись со дна, лишь время невосковой кровью истекло.
Куклы, помните ладошки – вас несли из магазинов?
... Неживым ответить нечем сквозь музейное стекло.

Жёсткое жнивье

Был чёрствый хлеб вкуснее сдоб,
Был труд войны, простой и страшный:
На фронте пашней пах окоп,
В тылу окопом пахла пашня.

Впрягались бабы в тяжкий плуг,
И почва впитывала стоны.
Мукой, измолотой из мук,
На фронт грузились эшелоны.

А там своя была страда,
И приходили похоронки
В артели вдовьего труда,
В деревни на глухой сторонке.

Кружили, словно вороньё,
Над опустевшими домами.
Кололо жёсткое жнивье
Босое сердце старой маме...

Дед

Не знаю, был ли он храбрый
Других. Не спросишь у воронки.
В июне – свадьба. В сентябре
Вдова слегла от похоронки,

Но доносила, и дитя
Отец на фото – встретил взглядом.
И даже много лет спустя
Всё время кажется: он рядом.

Он не успел повоевать,
И мешковата форма слишком.
Как странно дедом называть
Его – совсем ещё мальчишку.

Войны недобро колдовство,
Не всем героями казаться.
Я старше деда своего,
А мне всего лишь девятнадцать.

Жив будешь – стань сыну отцом

Разворочен гранатой живот,
Я стону: «Старшина, отвернись!
Чтоб красивой запомнил...» А тот
Всё бинтует кровавую слизь,

И сквозь зубы – таким матерком,
Что на миг я поверю: жива!
Но краснеющий марлевый ком
Душит в горле любые слова.

Ладно, Рита, нет влаги для слёз:
Жар внутри – да и времени нет,
Только сок иссечённых берёз
Тихо капнул на мой пистолет.

И куском довоенного сна
Пред глазами – ребёнка лицо.
Отомсти за меня, старшина!
А жив будешь – стань сыну отцом...

Лицо России

...И белорудый стан берёзы,
И сноп густой волос пшеничных,
В глазах озёр кувшинки-слёзы,
И перекликиванья птичьи...

И пусть меня давно скосили,
Но каждый миг, навеки спящий,
Любуюсь я лицом России
В оправе облаков парящих.

Август в Кижях

Над гладью озёрной мелькают стрижи,
Ловя уходящее лето.
В воде отражаясь, сияют Кижы
В лучах предосеннего света.

Кресты их похожи на мачты судов,
А парус, невидимый взгляду,
Гудит под напором карельских ветров
И сердцу дарует отраду.

А рядом, на озере, как в старину,
Красивы, стремительно-ходки,
Крутыми бортами ломают волну
Кижанки – онежские лодки.

Тут издавна люди по водам пути
Вершили средь мысов и мелей,
И парус поставить, на веслах грести
Все с самого детства умели.

Тут в каждом селении мастер был свой,
Владевший особым секретом:
Любая их лодка рождалась живой,
Напитанной ветром и светом.

Форштевнем, который по-русски курнос,
Веслом, что в руках узловатых,
И волны, и время пронзая насквозь,
Плывут они в белых закатах.

От печи начиналась держава российская

От печи начиналась держава российская,
От печи, да не лёжа на этой печи:
Что якутский мороз, что нам стужа мансийская –
Рубим избы, печные кладём кирпичи.

Заметают снега поселения русские,
Из сугробов упрямые трубы торчат.
На восток и на север дорожками узкими
Серебрится просторов холодных парча.

Так с природой суровой страна моя спорила:
Месит глину печник – значит, дому почин!
Видно, русской державы течёт вся история
Через устье широкое русской печи.

Огородик

В шумном сердце города – зелени проталинка:
Стиснутый заборами огородик маленький.
Позабытой соткою в планах не отмеченный,
Затенён высотками он с утра до вечера.

Но осколки солнышка зреют помидорами,
Воду пьют до доньшка, жадно, всеми порами.
С вёдрами находится (хорошо хоть – рядышком!)
За день огородница – старенькая бабушка.

Внуки усмеваются: «Есть, мол, супермаркеты!»
Только возвращаются от неё с подарками...
Крепко держит за душу, пусть и неказистое,
Маленькое чадушко с кожей землистою:

Как выросла коленями и руками добрыми...
Словно притяжение всей Земли здесь собрано.

Номинация «Я только слышал о войне»

1 место

Товескин Константин «Победная» гармонь

Жизнь вынесла,
как океан на берег,
На этот грязный, в трещинах,
асфальт
Все артефакты
веры и безверья,
Как незакрытый
временем гештальт.
И серое –
как шаль в заплатках – небо
Октябрь растянул
над «пяточком» –
Вон книги строй
сомкнули непобедный
Перед – от солнца бурым –
мужичком.
Вон скалитса
дородная торговка,
Носком ноги фарфор
равняя в ряд,
Который в веке прошлом
обстановка
Не позволяла ставить
всем подряд.
И дальше –
вазы, патефоны, миски,
Открытки – ниоткуда –
в никуда.
На всех часах –
на циферблатов дисках
Здесь время,
чуть сошедшее с ума.
И вдруг...
как старый воин в гимнастёрке,
Внезапно в мир
вернувшийся с войны –
Обшарпанная старенькая
«Хромка» –
Осколок
в Лету канувшей страны.
– Семь «косарей», –
прищурился детина.

И, расценив молчанье,
как протест:
– Дошла – вон видишь надпись –
до Берлина, –
И хохотнул некстати,
– Вот те крест!
Он развернул гармонь
бесцеремонно,
Облезлый лак
мне надпись ту открыл,
И – нараспах –
меха пошли свободно
Подобием
чуть потускневших крыл.
Народ затих,
невольно поражённый
Какой-то силой звука
неземной...
А я вдруг стал – как пулей
поражённый,
И ...небо
потемнело надо мной.

Я, не торгуясь, отдал.
Наклонился.
Забрал гармонь,
пошёл через толпу,
Не слыша,
как мужик заматерился:
– Продешевил я!
Цену дал не ту!
... Я шёл вперёд,
не глядя на прохожих.
И мысль сверлила пулей –
не унять:
«Дошедшей до Берлина,
нет, не гоже
На грязной
рынка паперти
стоять!»

2 место

Ягналиева Лейла
Бабуля

*Посвящается
моей бабушке Сайдашевой Н.Ф.*

Чай налью. Достану сахар, плюшки
И спрошу чуть буднично: «Бабуль,
Расскажи, как маленькой девчушкой
В кукурузе пряталась от пуль!»

Мне ответит бабушка угрюмо:
«Я сегодня ночью не спала!»
Бросит в чашку горсточку изюма...
Только ведь весёлою была!

На лицо, черт мягких не испортил,
Ляжет тень безрадостных времён...
Словно взгляд поймал на горизонте
Вереницу вражеских знамён.

Нам сегодня взрыв гранат не страшен.
Хлеба вдоволь – можно не искать.
А дитя войны не понаслышке
Знает, как от смерти убежать.

Со стыдом пойму свою ошибку.
(Ведь всю жизнь заботится о нас!)
И ответит бабушка с улыбкой:
«Расскажу чуть позже. Не сейчас».

Снится ночью девочка босая –
Не страшит ребёнка летний зной.
Прошепчу ей: «От души желаю
Мира над твоею головой».

3 место

Бикмулина Зарина
Вставай! – натянулась кварта

Памяти Муси Пинкензона

Вставай! – натянулась кварта. В пустом квартале
скрипичный крик занавески с окна сорвал.
Какие-то люди с глазами из серой стали
не стали ломать незнакомый им интервал.

Вставай! – растянулось время. Мотив не сразу
из памяти в голос, из минуса в жар пророс.
Пока горячо железо, кипящий разум
воспрянул и встал во весь свой недетский рост.

Никто! – сорвалась тишина. Окатила жаром
и вышивкой алой – оптом десятки спин.
Причина – неправильный выбор репертуара.
Корректнее было закончить «аллес ист хин».

Добьёмся! – смеялась кварта в больном стаккато,
и билась скрипка, свернувшая шейку,
об дощатый помост.
Залив железным закатом подгрифок и деки,
латунь пощадила лоб.

Вставай! – умоляла кварта, сломав два тона
и став несмелой секундой за ноль секунд.
Нельзя позволить себе ни вскрика, ни стона,
когда пинают ботинком с презрительным «унд?»

А скрипка – не дёргалась, гордая, и не просила.
Но плакала, переводила в расплав канифоль.
Ведь если ему не умолкнуть хватило силы,
то нужно допеть – тринадцатая, си-бемоль.

И если бы я умела, как скрипка – плакать,
то не удержалась бы в рамках сухих лексем.
Как та, что звенела в ноябрь, сквозняк и слякоть,
как та, что в затакте вздохнула – и стала всем,

как та, которая стала – и стон, и вскрик,
которая умирала, струною обняв, обвив.
И если бы я умела любить, как скрипка,
то это была бы история о любви.

1 место

Харитонов Евгений
Возвратите мне Россию

Возвратите мне Россию,
Ту, где мать меня растила!
Где берёзовые рощи
Шелестят в душе моей.
Ту спокойную Россию,
Где не видели насилья!
Где из-под озёрной толщи
Мы ловили окуней.

Возвратите мне Россию,
Где к семье любовь привили.
Где нас с детства приучили
Верным быть своей стране!
Ту богатую Россию,
Где нас досыта кормили
Из того, что мы взрастили
На своей, родной земле!

Возвратите мне Россию
С соловьями в небе синем
И бескрайними полями,
Где цвела золотая рожь!
Ту Великую Россию,
Что нам деда подарили,
Где от нашей, Русской силы,
Мир охватывала дрожь!

Щитов Иван
Я хочу в далёкую деревню

Я хочу в далёкую деревню,
Где когда-то был рождён и рос.
Где давно высокие деревья
Стерегут родительский погост.
Что-то там священное осталось,
Тайное, сокрытое от глаз –
Часть души – неведомая малость,
Но она всю жизнь тревожит нас
И зовёт бессонными ночами,
Словно утлый старый теплоход,
Что давно от берега отчалил,
А к другому всё не пристаёт.
Скоро уж печаль моя окрепнет
И возьмётся бушевать всерьёз.
Я хочу в далёкую деревню,
Где когда-то был рождён и рос.
Словно птица, бредящая высью,
Просится на родину душа,
Где рябин сорвавшиеся листья
Вновь устроят осенью пожар.
Где осталось что-то дорогое
От минут рождения на век,
Без чего ни счастья, ни покоя
Никогда не сыщёт человек.

3 место

Шпиякина Наталья

Я попрошу...

Я попрошу у ветра... два крыла,
Чтоб пролететь над рощей вольной птицей,
Где солнце обжигает облака,
Чтоб на закате тихо раствориться.

Я попрошу у солнца... ясных дней,
Чтоб заиграл в бору хрустальный иней,
Где летом неустанно соловей
С рассветом пел о небе мирно-синем.

Я попрошу у речки... шёпот волн,
Чтоб пели песни шелестом пьянящим,
Где в отражении синий небосклон
Хранит секрет, в ней облаков парящих.

Я попрошу у рощи... щебет птиц,
Чтоб сосны грелись огненным рассветом,
Где поутру, не ведая границ,
Накроет лес своим туманным пледом.

Я попрошу у неба... звездопад,
Чтоб загадать желание торопливо,
Чтоб оставалась Родина моя
Всегда великой, необъятной и красивой!

Номинация

«Возьмёмся за руки, друзья!»

1 место

Заборцева Варвара

Девятая баня

Летний дождь на крыльце барабанит,
Засыпает седой дымоход.
Остывает девятая баня.
Дед на совесть подсчёты ведёт.

Девять бань, как живёт без Валюхи.
Девять бань не шуршит календарь.
Всё пылятся часы-развалюхи.
Только топится баня, как встарь.

Вдруг несётся внучок из теплицы
И хрустит огуречиком всласть.
Улыбается дед круглолицый:
«Эх, не зря над рассадой тряслась...»

2 место

Ситенко Виктория
Одуванчик

Где зелень трав исчезнувшего лета
Венчается с янтарною листвою,
Где всё, как прежде, солнышком согрето,
Нашла я одуванчик полевой.

Он весь пропах рождением жизни новой,
Дыханием и прелестью весны.
Я в прошлое стремилась в мыслях снова,
Где тоже в жизнь мы были влюблены.

Где ждали лета: вот уж скоро, скоро...
Где белых яблонь таял аромат,
Где были необъятными просторы
Махровых одуванчиков-цыплят.

Теперь один ты гордо смотришь в небо,
И остаётся лишь одно из двух:
Тебя укроет осень первым снегом,
А, может, сам ты превратишься в пух.

Теперь с рассветом солнце редко будит.
Всё ниже тучи, дни всё холодней...
Но одуванчик будто шепчет: будет
Ещё немало тёплых, ясных дней!

Он стал воспоминанием из мая.
И пусть прохладный дождь стучал в стекло...
Осенняя природа, увядая,
Хранила одуванчика тепло...

3 место

Бобылев Дмитрий
Пускай к земле всё ближе с каждым годом

Пускай к земле всё ближе с каждым годом
Суставы деревянных крестовин,
Пускай окно фанерное над входом,
Зато – крыльцо в рябиновой крови.

Зато – трава из трещин штукатурки,
А на перилах – ножиком стихи,
С фронтонов осыпаются фигурки
И небом причащаются глухим.

Щербатых стен усталое величье
Подобно склонам многоцветным птичьим
Поросших лесом, сплошь обжитых гор.

Другое дело – новые кварталы:
Что айсберги, сверкают снегом талым,
Отбросив лес – разбившийся линкор.

РАЗДЕЛ 2

**"Я только
слышал о войне"**

Апаликова Дарья
Они уходили в вечность...

Вчерашние школьники с детством прощались:
Был их выпускной. Танцы поздно кончались.
Мальчишки, девчонки смеялись друг с дружкой.
Записки на память, прощанье с подружкой.
Им весело было. Фонарик горящий
Как будто их город берёт, тихий, спящий.
Но тёмная тень налетала, как птица,
Вуалью тревоги спадая на лица.
В углу кто-то шёпотом нервно ругался:
«С тобой поступать? Да зачем ты мне сдался!»
И все были счастливы. Всем было ясно:
Ругаются – любят. И это прекрасно.
– Послушай, мне надо признаться...
– Не нужно...
– Да любит тебя он! – Ей крикнули дружно.
А Генка вихрастый рогаткой стрелялся,
В девчонок он странно, конечно, влюблялся.
Веселье всё длилось. Заметно светало.
«А помните, как-то ...» – у школы летало.
– Где Лёнька? – Послали его за малиной.
– А он по дороге увлекся «Мальвиной»!
– Не бойтесь, наш Лёнька вернётся к обеду.
– Он как черепаха. Заглянет к соседу
Болтать о плодах многолетней костянки,
О первых симптомах, причинах ветрянки...
...Тут староста школьный кричит, зазывая:
– Ребята! Скорее! Идея!
– Какая?
Все ринулись с места, друг друга сбивая
И всё повторяя: «Какая? Какая?..»
Никто не заметил, что Лёнька на месте,
Малина в стаканчике граммов на двести,
Сам Лёнька дрожит, будто этот стаканчик,
Украл. И за ним гнался дяденька – дачник.
А староста важно ребятам вещает,
Довольный предельным вниманием их:
– Ребята! Давайте дадим обещанье
Собраться всем снова у ив вековых.
– Даём! – раздаётся и тут же смолкает.
Остался лишь отзвук от дружества их.
Ребята растеряны – Лёнька рыдает:
«Война началась... нас не будет в живых».
...Девчонки упали в объятия друг дружке –
Медсестры: Анюты, Тамары, Танюшки.
Сурово грозили кому-то мальчишки –
Солдаты, вчера отложившие книжки.
С порога их детства, отбросив беспечность,
Они уходили...И многие – в вечность...

Аругюнян Виктория
Грохот. Разрыв снарядов

Грохот. Разрыв снарядов.
Прорубь. Вода на дне.
Горе и доблесть рядом
Следуют на войне.

Вьётся огонь в буржуйке.
Тёплого хлеба край.
В этом морозе жутком
Чёрный помог бы чай.

Но больше нет запасов.
Топят ребята снег,
Ворох в углу матрасов.
Сон – это рай для всех.

Трупы везут на санках.
На глазах тьмы печать.
Криков не слышно часек,
Кончилась благодать.

Город в глухой блокаде,
Кольцами окружён.
Пишут в тылу в тетрадах:
«Всё же не поражен».

Хмурое утро снова.
Очередь на Неве.
Кто испытал такое,
Будет кричать во сне.

Да, я войны не видел,
Только о ней читал.
Но дневники событий
Я без конца листал.

Символ борьбы с фашизмом –
Сталинский Ленинград.
Славный ответ на вызов –
Радость. Салют. Парад.

Помни же, мирный житель,
Цену свободы знай.
Этой Победы зритель –
Северный гордый край.

Байков Роман

Всё больше редуют ряды ветеранов...

Всё больше редуют ряды ветеранов-
Реальных свидетелей страшной войны.
Но только сегодня вещают с экранов,
Что всё это – сказки седой старины!

Что не было, мол, на планете нацистов,
Хатыни, Освенцима смрадных печей?
Что руки чисты у кровавых садистов
Стрелявших, пытавших невинных людей?

Неужто вы верите, будто, разрушив
Победы Священной гранитную твердь,
Плевать в ветеранские будете души,
Стремясь нашу память о предках стереть?

Не выйдет! Пока будут живы потомки –
Мы – те, кто хранит память страшной беды,
Мы – те, кто хранит ордена, похоронки, –
Мы все как один: он, она, я и ты!

Редуют... Редуют... ряды ветеранов!
Неймётся теперь «цифровому врагу»...
Да пусть что угодно вещают с экранов,
Но нас миллионы в бессмертном полку!

Беляева Виктория

Дед

Мне пять, я сижу на коленях твоих,
И сердце затихло, и город затих,
И пальцы скользят по наградам,
Мы только вернулись с парада.

Ты пахнешь цветами, дождём, табаком,
Ещё валидолом и водкой. Тайком
От бабушки хлопнул: «За мир,
А наш не дожил командир!»

Ты выйдешь потом на балкон покурить,
Не станешь о прошлом совсем говорить.
Узнаю лишь после, спустя много лет,
Что под Сталинградом ты б умер, мой дед.
Но твой командир, чуть постарше тебя,
Закрыв от снаряда, закрыл от огня.
А что было дальше? А было вот так:
Огни канонады и сутки атак,

Граната в руке, снова взрыв, темнота,
Осколок на память в ноге, медсестра.
Ты имени даже её не узнал...
А что было дальше? А дальше был яр.

И снова бомбёжки, и снова огонь,
Но не отпускала сестра та ладонь.
И мир весь горел, было больно смотреть,
А между наградами смерть, смерть и смерть.

Но мне было пять, и в руке красный шар,
И ты в моё сердце любовью дышал.
Ты мне о войне тишиной говорил,
Ты пах Днём Победы, тобой пахнет мир.

Мне пять, я сижу на коленях твоих,
И сердце затихло, и город затих,
И пальцы скользят по наградам.
Мы только вернулись с парада.

Ты пахнешь цветами, дождём, табаком,
Ещё валидолом и водкой. Тайком
От бабушки хлопнул: «За мир,
А наш не дожил командир!»

Ты выйдешь потом на балкон покурить,
Не станешь о прошлом совсем говорить.
Узнаю лишь после, спустя много лет,
Что под Сталинградом ты б умер, мой дед.

Бердинских Анастасия
Мама утюжит банты

Мама утюжит банты
Немцы утюжат Польшу
Мамочка, как же страшно
Боже, не надо больше!

«Было нас с мамой трое
К осени стало двое
А к середине мая
С побелевшими волосами...
В доме осталась лишь Оля»

Больше не будет танков
Раны затянутся в ранки
Оля утюжит банты
Жизнь призывая обратно.

Бердинских Анастасия
Невозможно сказать и слова

Невозможно сказать и слова,
В горле ком и немеют руки.
Ног не чувствую, только холод.
А мы мечтали с тобой о прогулках!

Пелена на глазах, ветер.
Уши наглухо заложило.
Я руками ищу тебя, где ты?!
Мы так мало с тобой прожили.

Ослепляют яркие вспышки,
Едкий дым раздирает грудь мне.
Слышу рядом: ты всё ещё дышишь.
Дай мне руку, так будет лучше.

Я тебя отпущу, если нужно.
Только здесь мы ещё не закончили:
Мы в кольце, оборона сломлена!
Обменялись чекАми, как кольцами.

И в фашистов гранаты брошены
Вот и Всё...

Бобылев Дмитрий
Любительский театр играл войну

Любительский театр играл войну
Без формы, без окопов и винтовок –
Был вымышленный мир предельно тонок,
И кровь не разливалась на полу.

Но в сердце кто-то маленький пролез
Реветь навзрыд, когда убили «наших».
И так хотелось отыскать шалашик,
Где прятал деревянный пистолет!

Бобылев Дмитрий
Улица Сталеваров

Улица Сталеваров.
Вольно
Пустые бараки стоят:
Слева ряд,
Справа ряд.
– Мама, а домам больно,
Когда они горят?

Борисова Наталья О войне

Сегодня я лучше держу в руках спицы:
И шарф довязала, и пару носков,
И папа, конечно, мной будет гордиться,
Когда он вернётся из дальних краёв.

Снимать продолжаю за петелькой петлю,
Стараясь увидеть из ниток узор.
Я время вязаньем вечерним замедлю
И с мамой обычный начну разговор.

– Как думаешь, может война людям сниться?
Мы будто наказаны дьявольским сном:
Отравленной в речке набрали водицы
И миром попали в бескрайний содом.

И мать, распустившая на рукавицы
Из шерсти два платья, что нам велики,
Ответит: пусть снится, пусть всем это снится,
Пусть скажем когда-нибудь:
– Мы старики.

И жизнь возродится и в доме, и в поле,
Когда настрадаемся в мыслях сполна,
И пусть нам создатели мира позволят
Не знать наяву, что такое война.

И спицы застынут в горячих ладонях,
И холодно станет от сказанных слов,
А где-то солдаты в зелёных погонах
Прошепчут друг другу: к сраженью готов.

Вандич Валентина Приходи

Оставайся в разрушенных стенах,
Что снесло миномётным огнём.
И тогда под прицелом военным
Я приму тебя в доме своём.

Не взгляну на фашистские лица,
Притворюсь, что ослеп до конца.
Будь в руке хоть журавль, хоть синица –
Выпускаю я птиц в небеса.

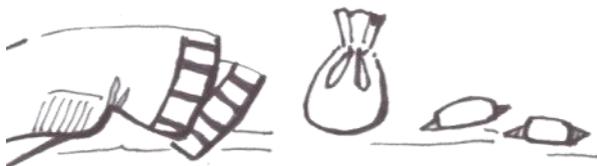
Им нужнее свобода,
А может,
они встретят победный рассвет?
Я смотрю – самолёты,
И тоже
запускаю кусочки газет.

Потеряю надежду и только.
Что ещё мне осталось терять?
Переломанный, словно иголка,
А меня всё ломают опять.

– Ты садись, я налью тебе чаю.
Подвигайся поближе к столу.
Эх, по доченьке очень скучаю,
А меня ж расстреляют к утру.

Ты приди, если будет Победа,
А война... это наша ошибка.
Приходи, вон там местное гетто.
Будет плакать еврейская скрипка.

Эта скрипка не смолкнет вовеки,
Звуки комом застрянут в груди,
Оставайся всегда человеком
И ко мне приходи, приходи...

Вдовенко Артём и Алеся Журавли

Летний вечер. Ветер стих. Душно в доме, в сенах...
На крыльце сидит старик с внуком на коленях.

«Хочешь – верь, а хочешь – нет в быль иль небылицу,
Но однажды к нам в село прилетели птицы.

Журавли для этих мест – редкость небольшая,
Но в тот вечер прибыла простая стая.

Покружившись над селом, словно с картой сверясь,
Сели вон за тем холмом, там, где вырос вереск.

Вереск тот уж много лет прячет под собою
Рвов едва заметный след, слизанный землёю.

Здесь в войну, в суровый год против супостата
Встал стеной стрелковый взвод – сорок два солдата.

Встать-то встал, да только враг был сильнее второе,
И навек остались здесь сорок два героя...

Хлопотливы журавли. Но такая штука:
Вот от этих до зари не было ни звука.

А наутро, как бойцы в первую атаку,
Молча тронулись они по сырому шляху.

Шли уверенно гурьбой на бугор, к могиле,
Верно, путь тот не впервой вместе проходили.

То взлетая, то садясь, вперебежку словно,
Птицы цепью поднялись по крутому склону.

Обступили обелиск, точно часовые,
И застыли, наклонясь, будто неживые.

А потом, поднявши ввысь крылья-треуголки,
Закурлыкали, взвились в небо над просёлком.

И в проснувшемся селе, замерев, глядели,
Как в тумане сорок два журавля летели...»

Оборвал старик рассказ, посмотрев на внука.
«Получается, внучок, вот какая штука:

Если даже птицы чтут тех сражений славу,
Мы с тобой её забыть не имеем права».

Великжанин Павел Правда кровью пишется

Войну лишь в телевизоре
Ты видел. Что же, брат,
Стихов своих дивизию
Выводишь на парад?

Ведь там не по-парадному –
Колонной общих мест –
С разрывами снаряжными
Срифмован насмерть Брест.

Какая, к черту, строфика,
Рефрены для баллад?
С отчаяньем дистрофика
Там бился Ленинград.

Врастая в землю стылую,
За сердцем спрятав даль,
Дивизия Панфилова
Рвала зубами сталь.

Мосту, на нитку сшитому,
Молился эшелон,
С живыми и убитыми
Ползущий через Дон...

Ведь правда кровью пишется,
Пробившейся сквозь трюмб.
Пойдем ли мы, как дышится
В завалах катакомб?

Не знающим заранее
Судьбы своей страны,
Чьи летние экзамены
Войной заменены,

Чьи строки в школьных прописях
Черкает красный цвет?
А время не горопится
Подсказывать ответ.

Но мы, врастая нервами
В свою эпоху, брат,
Пошли бы так же первыми
В свой рай...
военкомат.

Великжанин Павел
20.07.41

Месяц рвался блицкриг на восток,
Наглый, сытый: откусал Европами.
Пали Витебск, Смоленск, Городок –
Белорусский завязан мешок...
Окруженцы, не чувствуя ног,
Еле шли полуночными тропами.

А на самой границе, у берега Буга,
В старой крепости каменной, загнанный в угол,
Стиснув злым кулаком окровавленный уголь,
Кто-то пишет слова – не родным и не другу –
А для тех, кто придут, кто придут, кто придут...
Ждать умеют и камни. И камни всё ждут...

Подмосковье, Смоленск, Беларусь –
Сколько трудных дорог было пройдено,
Чтобы знал весь огромный Союз
Те слова на стене наизусть:
«Умираю, но не сдаюсь.
Прощай, Родина».

Великжанин Павел
На ледяной ладони Ладоги

Они всё знают без поэзии,
Кто голодали, бились, мёрли:
Как финский нож солёным лезвием
Торчит, костлявый, в невском горле,

Как в свете фар сияют радуги,
А смерть столбом снарядным брызнет –
На ледяной ладони Ладоги
Упрямо бьётся жилка жизни –

Как метроном считает хлебные,
То ли мгновенья, то ли крошки...
Что могут речи все хвалебные
Добавить хоть к одной бомбёжке?

К тому, что выжившими прожито?
Поверим ли, что так бывает?
Пока вы судите, итожите,
Их ветер в раны – убивает.

Уйдут они, и как же вспомним мы
То, что навечно помнить надо?
Бессильны рифмы и синонимы
К словам «Война», «Герой», «Блокада»...

Великжанин Павел
Дневник Тани Савичевой

Сколько их – кто не дожил, не дошёл?
Нет даже лиц.
Синим химическим карандашом –
Деять страниц.

Голод блокадный писал без затей
Буквы свои.
Деять страниц – только даты смертей
Целой семьи.

Это потом в полевых вещмешках
Их принесут
На просолённых солдатских плечах
В Нюрнбергский суд.

Это потом доверять дневникам
Станут мечты
Девочки в городе, где по утрам
Сводят мосты.

... «Таня одна...» И завыли гудки
Траурный марш.
Ангел тихонько из детской руки
Взял карандаш...

Великжанин Павел
Наполовину был убит

Я дважды шёл землицей нашей:
Шёл на восход и на закат.
Шагал вдвоём с моим «папашей»,
Тому, что жив ещё, был рад...

... Прошла война, но грудь щемит...
Ведь я, согласно строгим сводкам
Статистики по годоводкам,
Наполовину был убит...

Великжанин Павел Берлин

Берлин залит дождём огня и стали,
Но детский плач был громче, чем война:
Потерянно стоит среди развалин
Там девочка немецкая одна.

А может быть, отец её в гестапо
Служил, а мать эсэсовкой была...
Но вот она лепечет «мама, папа»
Из пулями оббитого угла.

И может, старший брат, слепой от злости,
Всё ближе целит пулеметный ствол...
Но тут солдат, чьи дети на погосте:
«Огнем прикройте!» – крикнул. – «Я пошёл!»

И ринулся к немецкому ребёнку
Сквозь ливень из немецкого свинца,
В шинель дитя закутал, как в пелёнку,
Собой прикрыл, не разглядев лица.

И вытащил – с того – почти что – света,
Солдат в зелёной каске со звездой...
И девочка спасённую планетой
К плечу его приникла головой.

Великжанин Павел Собаки – истребители танков

Их с беззубого щенства под танковым днищем
Приучали к еде, чтоб кудлатая свора
Шла под танки немецкие в поисках пищи,
Не боясь лязга траков и рёва моторов.

А на спину – тротил со взрывателем чутким,
Чтобы тыкнул в стальное подбрюшье машины...
И напарник потухшую грыз самокрутку,
И махра ему скулы сводила, как хина.

Ничего не жалела страна для победы,
И, петляя среди сталинградских развалин,
Шлейки жизнью лохматые рвали торпеды
И бросались навстречу грохочущей стали.

Великжанин Павел Остров Людникова

Его на всепланетной карте нет,
Остался лишь в легендах этот остров,
В подшивках старых фронтовых газет –
А нынче отыскать его непросто.

Да, был он по размеру невелик:
Четыре сотни метров на семь сотен.
Но весь огромный мир тогда привык
К масштабу этажей и подворотен.

За каждый сталинградский клоч земли
Враг дольше дрался, чем за всю Европу.
И дикторы дотошно счёт вели
Любому закоулку и окопу.

А он и окружён был не водой –
Огнём, свинцом, клубами едкой пыли...
И сорок дней не прекращался бой,
Атаки-волны в скалы дотов били.

Отрезан тыл змеей речного льда:
Шуга идёт, борта сдирая лодкам.
В три дня – сухарь. С патронами – беда.
Ценней, чем жизнь, трофейная находка.

Нет подкреплений. Каждый на счету.
И с каждым днём всё тают эти счёты...
Уходит стружкой крови в мерзлоту
Дивизия – составом меньше роты.

Кирпич домов бомбёжкой в пыль растёрт,
Земля изрыта оспою воронок...
Последним напряжением аорт
Здесь держится зубами оборона.

Прямой наводкой разнесён КП,
И на ребре стоит судьбы монета.
Комдив по пьяной фрицевской толпе
Палит из наградного пистолета.

Санбат, что врос в отвесный бережок,
Услышал грохот «панцеров» наката –
И встали все – кто мог и кто не мог –
Вперёд пошли: в бинтах, как в маскхалатах.

И со стеклянным звоном вспыхнул танк,
Скребут предсмертно землю пальцы траков...
Кто жив, ничто не будет помнить так,
Как самую последнюю атаку.

Лёд встал, окреп. Резервы подошли.
Не смыло остров ливнем стали Крупша.
Весь мир узнал про этот клоч земли,
На глобусе не видный даже в лупу...

Теперь здесь тихо... Память берегут
Руины, утопая в буйстве сада,
Про островок на волжском берегу
В поселке под названьем «Баррикады».

Великжанин Павел Диверсанты

За друзей принимает нас враг день за днём,
Не облает овчарка – оближет,
Но по тонкой фальшивке над бездной идём,
В нас порою стреляют свои же.

А приказ будет дан –
И скользнём мы в туман,
Боги взрывов, налётов, сожжений.
Мы без права на плен
Сеем пепел и тлен
На полях наших тайных сражений.

Кулаком и ножом снимем вражеский пост,
Склад на воздух взлетит, и обрушится мост,
И врагу, что в стране нашей что-то забыл,
Хуже фронта покажется собственный тыл.

А случится провал –
Контрразведки подвал
Не услышит ни просьб, ни признаний.
Пусть я без вести пал,
Но никто не узнал
Ни имён, ни фамилий, ни званий.

Ведь под формой чужой бьются наши сердца,
За чужим языком – наши мысли.
Если надо, свой путь мы пройдем до конца:
Встанем к стенкам и в петлях повиснем.

Да, удел наш суров,
Ни к чему много слов:
Сверь-ка время по нашим часам ты,
Чтобы тол не подвёл,
Чтобы ветер замёл
След ушедших в туман диверсантов.

Великжанин Павел Николай Кузнецов

Он прыгнул на свет партизанских костров,
Под куполом неба повиснув на стропах.
Поддельное имя «товарищ Петров»
Паролем вело по запутанным тропам.

Дал пропуск поддельный – и пост «хендэ хох»:
Шлагбаумом вверх. Рядом унтер во фрунте:
«О, герр лейтенант, да хранит всех нас Бог
От русских фанатиков в бешеном бунте!

А в город им, герр, не проникнуть никак...».
Но «опель», взревев, оборвал его фразу,
И хват пистолета ослабил русак,
Что послан был выжечь паучью заразу.

В парадных чернильных мундирах сидят,
Охрана вокруг всё сто раз обсмотрела.
С их перьев течёт безнаказанный яд
На ордунги пыток, сожжений, расстрелов.

А он с ними шутит, в доверье входя,
От бравого Пауля дамочки млеют.
Но тёмная ярость острее гвоздя
Одной колет мыслью: «Скорее, скорее!»

Язык его корчится, будто в огне,
Одетый в чужую колочую робу.
И лишь по ночам, беспокойно, во сне
В нём русская речь прорывается к нёбу.

Но время настало! И вот генерал,
Карателей славший в облавы, десанты,
Как хряк под ножом, из мешка заорал,
Впервые увидев глаза диверсантов.

Под фрицем чужая вздымается твердь:
Их бонз, что испуганно пляят фасетки,
Всё косит и косит серпастая смерть
В обманчивом облике русской разведки.

Во Львове и Ровно сбиваются с лап
Овчарки немецкие в поисках следа.
Несётся молва: враг и здесь-то ослаб,
И там, на востоке – всё ближе победа.

И пусть не дожил до победы солдат,
Но не был раскрыт до последнего вдоха:
Узнала из списка посмертных наград
Его настоящее имя эпоха.

Великжанин Павел Бронекатер

Шум выхлопов пряча под плеск переката,
Масксетью скрывая лицо,
К воде прижимаясь, ползёт бронекатер,
Матросским солёным словом

Моля, чтобы сумрак непрочного неба
Не треснул от трассеров пуль,
И, шнапса набулькав, заев нашим хлебом,
Уснул бы фашистский патруль.

Не выдала полночь, волна не плеснула,
Не дав бронекатер засечь.
И ввысь поднялись оружейные дула,
Сверкнув, будто огненный меч...

Став памятью прочной о грозном моменте,
Когда сотрясались столпы,
Плывёт он теперь на своём постаменте
Средь праздничной майской толпы.

Нечасто глядят благодушные люди
На свод безмятежных небес,
Что держится только стволами орудий,
Когда-то сражавшихся здесь.

Великжанин Павел Хлеб для Расеи

Не для нас урожай
Спелый колос налит,
И дорога чужая
Под ногами шипит.

За спиною граница
По осенним полям.
Да на что нам их Ницца?
Да на что Амстердам?

Умотавшись, без злости,
Вековечной тропой
Мы незваного гостя
Провожаем домой.

А вернёмся – засеём
Так, чтоб чаша полна ...
Нужен хлеб для Расеи.
Для чего ей война?

Воронков Виталий Порастеряв сынов по минным пашням

Порастеряв сынов по минным пашням,
Ты сбилась со счетов, Отчизна-мать.
Меня назвали без вести пропавшим,
А мне, ей-богу, есть, что рассказать.

Боюсь того, что, чем былое старше,
Тем больше мой потомок глух и нем.
Меня назвали без вести пропавшим,
Как будто бы и не был я совсем.

Мой новый день такой же, как вчерашний,
А почему – ответ совсем простой:
Меня назвали без вести пропавшим.
Поди пойми: ни мёртвый, ни живой.

Я не сдавал врагу позиций наших,
Хлебнув крови по самые края,
И мой свидетель – без вести пропавший,
Такой же горемыка, как и я.

Фашисты на восток ступали маршем,
Но драпали на запад вразнобой.
Меня назвали без вести пропавшим,
А правильно: потерянный страной.

Воротникова Елена

Ордена на груди – это самая тяжкая ноша

Ордена на груди – это самая тяжкая ноша.
Как мониста, они расцвели все кители вновь.
Невозможно, держа их в руках, вспоминать о хорошем.
Потому что за каждым – сраженья, потери и кровь.

Холодящий металл почему-то так жжёт через форму,
Как та пуля, что около сердца навывлет прошла...
Обожгла всё внутри, а потом ты вдохнул хлороформа,
И последнее, что ты запомнил, был белый халат...

А потом снилась мама, бельё полоскавшая в речке,
Младший брат-сорванец, что с тобою так рвался на фронт...
Старый дедушка дремлет у дома на ветхом крыльечке...
Просто мирная жизнь, что забрал тот вокзал и перрон.

В сорок первом забрал. А кого-то забрал в сорок третьем...
Злая ведьма война всё ярилась, ждала новых жертв.
И уже в её пасть уходили вчерашние дети,
Уходили, чтоб в детство, домой не вернуться уже.

Сколько памяти в этих «блестяшках», ах, сколько же, сколько...
Эта память, как раненый друг на уставших плечах,
Его звали Алёшка, Павлуха, Иван или Колька...
Кто успел донести, ну, а кто-то – донёс и молчал.

Эта память наградам придаст неподъёмного веса,
Что с трудом совместим и с годами, и с их сединой...
И шкодливый праправнук, примерив пиджак с интересом,
Ощутит, что досталась Победа
ТЯЖЁЛОЙ ценой.

Гиацинтова Юлия

Он ещё не родился

Он ещё не родился,
Тот курносый солдат,
Что девчонок стыдился
И учил сопромат.

Он ещё не родился,
Тот мальчишка-солдат,
Что с родными простился –
«Скоро, верно, назад!»

Он ещё не родился,
Тот бедовый солдат,
Что всю ночь веселился,
А на утро – в штрафбат.

Он ещё не родился
Тот бесстрашный солдат,
Что в атаку стремился,
Не жался гранат.

Он ещё не родился,
Тот железный солдат,
Что за Родину бился,
Но не встретил парад.

Он ещё не родился...
Только где-то вдали,
За туманом пролился
Горький голос земли:

«Где ты? Что, заблудился?
Кто ты? Где твоя мать?
Как же так? Не родился...
А уже умирать?»

Гаврюшина Арина
В тот страшный июль сорок первого года...

Молодогвардейцам посвящается...

В тот страшный июль сорок первого года
Реальность казалась похожей на сон.
Гудением шахт и ревением заводов
Дышал, задыхаясь в пыли, Краснодон.

Поля ещё ждали привычную жатву,
Но в небе уже кровоточил рассвет.
В то раннее утро они дали клятву.
Им было не больше семнадцати лет.

На фронте солдаты рвались в наступление,
А где-то в тылу, не жалея себя,
Ходили в разведку бесшумные тени
Отважных девчонок и смелых ребят.

Любя всей душою родные просторы,
Смотрели, как гордо плывут облака,
Будили весёлыми песнями зори
И пели, встречая последний закат.

Всё может забыться, всё может стереться,
Но верю, что тихо о ком-то молча,
Донские поля сохранят в своём сердце
То время, когда молодые гвардейцы
Держали Россию на хрупких плечах.

Галипанова Мария
а кто стрелял

а кто стрелял
и где его жетон
его вчера убили или раньше
лежит один. на трупе нет погон
лицо в снегу и почернели пальцы
а где его винтовка
где шинель
где документы имя паспорт адрес
лежит в снегу. уже ооченел
и полдень оставляет только абрис
а где его фуражка
где кисет
где портсигар ремень часы хоть что-то
нет ничего. и тела тоже нет
есть только контур кровь печаль свобода
закапываю снегом его кровь
её так много что немеют руки
темнеет рано. думаю его
не будет видно завтра после вьюги

а завтра праздник
завтра Рождество

**Дмитриева Елизавета
Бежавшему**

1.
В общем, моя история не нова.
Оперу слышала – Игорь в плену и Гзак?
Да, это я. Всё не шутка, не карнавал.
Просто хочу кому-нибудь рассказать.
Просто хочу кому-нибудь рассказать.
Видишь ли, вырастив первые семена
Память меняет лица и имена –
Это всё та же память. Время весны,
Слабо тронутый клевер
Меж трав расписных
Смотрит моими глазами –
(И замер).
Не говорю: «твой долг», но: «не уходи» –
Словно возлюбленный, плачущий впереди:
Превознеси в сиянье её зарниц
Сохрани её и верни.

2.
Дальше уж я, прости меня, без прикрас.
Я уходил из лагеря девять раз.
Страшные девять раз за моей спиной
Дикая степь стелилась звенящий зной.
Знаешь, когда тебя бьют, очень сильно бьют,
То забываешь родину и семью,
Будто бы с этой болью своей один –
Хуже, чем зверь, поди.
Как-то хотели эти меня казнить,
Но, не поверишь, как тебе объяснить?
Странное чувство, к сердцу тянулась нить –
Будто не только фрицы одни да мы,
А ещё кто-то третий. Какой-то Разум.
И потому меня, выведя из тюрьмы,
только избили сразу.

3.
...А город мой полон этакой красоты!
Яблони белые, пенистые сады!
Он говорит: не плачь, посмотри, вот луч,
Я из него могу свить ручей и лучистый ключ –
Он словно шёрстка пушист и слегка колоч...
(И замолчал
В лучах).

4.
– Думаешь, только в сказках всё хорошо?
В страшный девятый раз я от них ушёл, –
Он говорит всё живее и всё жадней.
Я написал жене: «Приезжаю, Мусь».
Я, понимаешь, очень был нужен ей.
Ты понимаешь? Очень был нужен ей.
Я ж говорил, вернусь.

**Дубинин Владимир
Васильки**

Дом рассыпался в пыль и крошево.
Ни обнять, ни прильнуть, ни прийти.
Мне Победа далась недёшево.
Где же вы, дорогие мои?

Где те два непоседливых бантика,
С васильковой весёлостью глаз?
Там на фронте, бывало, что ранили,
А убили вот только сейчас.

Ярость кончилась, нет в сердце ярости,
Это там, среди окопов, кипел.
У меня к жизни нет больше жадности,
Словно я вместе с домом сгорел.

Лучше б я в обороне, в атаке ли,
Сгинул со свету. Так бы – как раз!
Знаю я, обо мне бы вы плакали,
Но зато я б продолжился в вас.

Только вы мне мои драгоценности,
Лишь за вами хоть в пекло готов.
Где найти теперь столько смиренности,
Коль отняли основу основ?..

Где же ты, Богом мне наречённая,
Что ж вас всех-то война забрала?
Раз была судьба столь благосклонная,
Что ж не вас, а меня сберегла?!!!

Пусть Победой весна ослепительна,
Пред собою не вижу ни зги...
Вот бы слёзы ладошками вытерли
И прижались ко мне васильки...

Дубинин Владимир Безвестный полк

Бессмертный полк по улицам идёт,
С минувшим настоящее сшивает,
Вот правнук фото прадеда несёт,
А рядом прадед призрачно шагает.

Он молодой, ещё медалей нет,
Улыбка белозуба и открыта,
Он в гимнастёрке тех военных лет,
С шинелью через плечи перевитой.

Его друзья, с потомками встав в строй,
Собой скрепляют целостность потока,
Полк широчайшей по стране рекой
От Кёнигсберга до Владивостока.

А в арьергарде, прикрывая тыл,
Не узнано, не найдено, безвестно
Идут бойцы, полк неизвестных сил,
Долг перед жизнью отдавшие честно.

И впереди безвестных тоже полк,
И с флангов охранением шагают,
Они навечно исполняют долг
И, как в бою, живущих прикрывают.

У них нет внуков, не было детей,
И матерей нет, помнивших их детство,
Они солдаты те, что без семей,
Хотя, быть может, жили по соседству.

Не вспомнят лиц, не вспомнят их имён,
Ни шёпота последнего пред боем,
У них нет братьев, нет сестёр, нет жён.
Простые неизвестные герои.

У них нет горечи, что их не помним мы,
Их жизни были втиснуты в окопы,
Им выжгло жизнь дыхание войны,
Стирая взводы, батальоны, роты.

Их взгляд на нас до боли тих и строг,
Они на марше, за спиной шинели.
Бессмертный неизвестный полк,
Полк тех, кого мы вспомнить не сумели.

Дубинин Владимир Сын полка

Сегодня особенно трудный вторник,
Авиабомбы и артналёт.
К штурму готовится враг повторно
При первом штурме он в поле лёг.

Два офицера потеряны нами
И девять потеряно рядовых,
Раненых крепко стянули бинтами,
В окопы спрятав среди живых.

В копоти лица, в пыли гимнастёрки,
Вымотал многих минувший бой,
И слышно: среди бойцов негромкий
Идёт разговор под снарядов вой.

– Сашка-то, видел? Крепкий парнишка,
Всё делает так, как его научил.
Одиннадцать лет, ведь совсем мальчишка,
А не испугался и не забыл.

– Я утром направил его сегодня
В штаб тыла, с докладом, чтоб бой переждал.
А он доложил и вернулся, негодник,
И в самое пекло с нами попал.

Сильней затянувшись трофейной махоркой,
Взглянул старшина на сидящих солдат,
Продолжил по-прежнему также негромко:
– А Сашка-то нынче родился, ребят.

– Да ну!
– Именины?
– Что ж ты, Иваныч,
Заранее, что ли, не мог рассказать?
– Шустрый он больно, смешал мои планы.
Отбили бы фрицев, потом поздравлять.

Но, раз уж он здесь, предлагаю не мешкать,
Я справил ему на размер сапоги,
И прочую форму справил конечно.
Доронин Семён, мальчика позови.

Семён по окопу пошёл, пригибаясь,
Туда, где стоял пулемётный расчёт.
Он думал о том, про себя улыбаясь,
Как именинника позовёт.
В кармане Семёна гармошка губная,
В тряпицу завёрнутый шоколад,
Он шёл по окопу, уже предвкушая,
Как с формой и эти подарки вручат.

Сашка-то парень весёлый и звонкий,
Прибился к ним месяцев пять тому,
Возле заброшенного посёлка,
В котором пришлось выживать ему.

Рёбра его торчали наружу,
Когда его принялись отмывать,
Но было сквозь грязь видно чистую душу,
Которую к сердцу хотелось прижать.

Напомнил он многим о дальних семьях,
И лёгкая, видно, у Сашки рука,
Раз командир, сквозь поток донесений,
Сказал: «Зачисляем, как сына полка!»

Бойцы оживились, их лица ожили,
Смеялись и баловали мальчика,
И про войну меж собой говорили,
Не может никак она быть без конца.

Сашку приставили к кашевару,
Был Сашка, а стал рядовой Кузнецов,
Он отвечал за устойчивость жара,
Обед чтобы вовремя был готов.

В разведку ходил он, под видом подпаса,
Узнал, где пикеты, как их миновать.
Когда доложили, то с этого часа
Его запретил командир привлекать.

«Мы здесь, чтоб такие, как он были живы!
Чтоб выросли и поднимали страну.
А если б мальчонку вы положили?
Своим бы рискнул?» – Он спросил старшину.

Иваныч тогда, за два года впервые,
Не смог ничего командиру сказать,
И, как ни хотел Александр, отныне
Его запретил на задания брать.

До этого боя всё было просто,
Приказ был один: Кузнецова беречь,
А тут закрутилось, и этот подросток
Вместе со всеми влез в самую сечь.

Семён добежал до расчёта, там пусто.
А Сашка ведь был здесь, Семён это знал.
Он выглянул, с мыслью шальной, за бруствер.
И точно, там Кузнецов лежал.
Сердце рвануло в груди гранатой:
«Да как же?! Да что это?! Почему?!»
Семён простонал: «Что же скажут ребята...»
И из окопа пополз к нему.

Артподготовка как раз утихла
И средь обрушившейся тишины,
Доронин услышал предельное тихо
Губами: «Мамочка, дай воды...»

«Сынок, погоди. Сейчас я, сейчас я.
Ты слышишь, сынок? Ты со мной говори.
Вниз сейчас спустимся. Здесь опасно
И там уже вдоволь напьёшься ты».

Он взял его так, как лишь держат младенца,
Широкой своей прикрывая спиной,
Затем, чтоб продолжило биться сердце,
А не затем, что Доронин герой.

Ни пули, ни воя, ни взвизга шрапнели,
Семён аккуратно к своим спешил,
И Сашу на выложенные шинели
Из рук своих бережно переложил.

Лица бойцов поугрюмили разом,
А старшина, ухватив бинты,
Ранения лентами опоясал,
Дал осторожно глоток воды.

– Сашка, ты это, не бойся, мы рядом.
В обиду тебя ни за что не дадим,
Мы за тебя теперь фрицам проклятым
За каждую рану твою отомстим.

Мы тебя в госпиталь, там починят,
Поправишь здоровье – и к нам давай,
Нам ведь такие, как ты, мужчины
Нужны дозарезу, ты так и знай!

Дрогнули веки у Кузнецова,
Шепнул он: «Я точно вернусь назад».
И, выдохнув тихо последнее слово,
Маленький смолк навсегда солдат.

Семья, что была в гимнастёрках рядом,
И звука вымолвить не могла,
Слёзы невольно туманили взгляды.
А ненависть взгляды жгла.

Звонким мальчишкам война не место!
От вывода губы плотнее сжав,
Иваныч выцеливал в перекрестье
Фашистов из верного ПППШ.

Вторник случился труден особо,
Атаки катились одна за одной.
Сашка, став точкой на дне окопа,
Стал для бойцов запятой.

Дубинин Владимир
Я не герой

Я не герой, я не герой.
Иду вперёд, и все за мной.
Упал на грунт, а все идут.
Меня не ждут. Меня не ждут.

Земля дрожит, земля горит,
А я лежу. Я не убит.
Я не могу ни встать, ни сесть.
Могу смотреть. Смотреть. Смотреть.

Травинка бьётся мне в лицо,
Гранату б дёрнуть за кольцо
И замахнуть её к врагу!
Но не могу, но не могу.

Вдали бегут, бегут вблизи,
Бегут товарищи мои,
Кричат: «Ура!» – И шум, и гром,
А я лежу и вижу дом.

Я вижу: сын ко мне идёт,
Сестрёнку малую ведёт,
За ними милая моя
Зовёт меня, зовёт меня.

Как будто не было письма,
Где дома нет, где дальше тьма,
Где в горле крик, где плач в душе,
Где жив, но не живу уже.

Сын рядом сел, припал ко мне,
А я прижал его к себе
И запах чувствовал родной.
Пришёл домой. Пришёл домой.

Дубинин Владимир
Блокадное

Небо вдруг стало красное,
И солнце вдруг стало красное,
Зелёное стало грязное,
И синее стало грязное.

Тихое стало шумное,
В спокойном теперь тревожности,
В разуме страх безумия,
И вместо простого – сложности.

Стеклянное стало битое,
Кирпичное стало грудями,
Мгновением жизнь прожитая,
Морозы вдруг стали лютыми.

Тепло в драгоценность сплавило,
Еда стала вместо золота,
И страхом бесщётно жалило,
И жалило чувство голода.

И детское стало жалобным,
Пронзающим до бессилия,
Дома озарились залпами,
А лица светились инеем.

Бременем стало доброе,
Что было душе отдушиной.
В одних проявилось сорное,
В других проявилось лучшее.

Утра стали – закатами,
Закаты – до жизни жадными,
Целые стали мятыми,
Но выжившими блокадными.

Дубинин Владимир На войну уходили мальчишки

На войну уходили мальчишки,
А вернулись в морщинах мужи,
И гонять уж не будут по крышам
Голубей средь июльской тиши.

Нет в глазах озорного задора,
Смех теперь – не звенящий ручей,
То война их состарила скоро
Средь кипящих боями ночей.

Сны их нынче – не лёгкая дымка,
Не полёт за мечтами вослед,
Сны теперь – из атаки отрывки,
Средь зависших под небом ракет,

Добежать до чужого окопа,
Через реку проплыть на плоту,
Батальоном истаять до взвода
И от крика проснуться в поту.

Хрупкость школьная стёрлась на маршах.
Хрупкость землю не взроет в мороз,
Стали разом и крепче и старше,
Кто вчера ещё жил не всерьёз.

Выпускные рубахи и стрижки...
Репродуктор в тревожной тиши...
На войну уходили мальчишки.
А вернулись в сединах мужи.

Дубинин Владимир Правый фланг

Сил осталось на исходе,
Третий день нас рвут и мнут,
Нас немного в третьей роте
До Победы доживут.

Мы не сетуем, не стонем,
Понимаем, держим фланг,
Ни одной своей колонны
Провести не сможет враг.

Мы устали, ну а шутка ль –
Трое суток свист и вой,
Нет для отдыха минуты
Написать письмо домой.

Светит небо голубое,
А с земли и чад, и дым,
Дело наше непростое:
Ходу «тиграм» не дадим.

Мы стоим, а нас всё меньше,
Тает рота без атак,
Но мы всё-таки удержим
Этот важный правый фланг.

День и ночь фашист утюжит,
Хочет нас сравнять с землёй,
Но мы выстоим и сдюжим
И не повернём спиной.

Стиснем зубы, стянем раны
И, собрав себя в кулак,
На себя врага оттянем
Свой удерживая фланг.

Там, глядишь, и наши пушки
Песни русские споят.
Ляжем тут, но наши души
До Победы доживут.

Касеева Клавдия
нет, мы больше не прах

нет, мы больше не прах,
не ковыль, прорастающий в поле.
мы отныне – слова,
голоса,
песни моря и горя,
кто бы с нами поспорил,
но некому с нами поспорить...

мы – молчание дней,
мы – отчаянье памяти,
святость забвенья.
мы вернулись сквозь годы,
десятки и время,
мы вернулись сквозь время...
и молча несём это бремя.

мы вернули года,
мы сполна и за всё заплатили.
мы – времён жернова,
измельчатели горя,
различители боли и были.
мы прошли это время,
вернулись,
но ничего не забыли.

Классен Агата
Будь...

Я шаль повяжу на сутулые плечи
И выйду в рассветную серую мглу.
Мой шаг будет тих и никем не замечен.
А там, у тебя, только скрежет и гул.

А там, у тебя, раскалённым металлом
По нашим стреляют. Земля под тобой
Дрожит, точно плачет. И времени мало,
Чтоб выдохнуть. Вновь продолжается бой.

Я шаль повяжу, босиком за ограду,
В туманное утро – вымалывать сил
Тебе. Для себя ничего мне не надо.
Вот был бы ты только. Хоть где-нибудь был.

Вот только бы мимо летели снаряды,
И было бы, где укрываться зимой
От этих морозов. Мне больше не надо.
Ты только скорей возвращайся домой...

Классен Агата
В зелёной прохладе снуёт рыжий рой

В зелёной прохладе снуёт рыжий рой
Пчелиный. А там, за рошей,
Жестокий гремит нескончаемый бой.
И кажется, время – тоньше.

И кажется, вот уже возле домов
Погибель стоит с косою.
И мир, словно клетка из острых углов,
Война гомонит грозою.

Я уши закрою – не слышать бы звон.
У нашей стою калитки,
А где-то под сердцем толкается он –
Осколок твоей улыбки.

Всё возится ночью – уже тяжело.
Глазами сную вдоль рощи.
Но верю, что всем нашим бедам назло
Ты встретишься с ним вернёшься...

Классен Агата Скоро ли?..

В школе пустынно. Ветрено
Стало теперь за окнами.
Солнце восходит медленно,
Небо рассветом соткано.

Стихнут ли сны минорные?
Папа вернётся с почестью?
Мама, ты знаешь, скоро ли
Эта война закончится?

Мама, ты помнишь запахи
Свежей травы без копоти?
Эти подвалы затхлые
Сердце сжимают. В ропоте

Тают надежды нежные.
Мама, ты помнишь волосы
С проседью белоснежную?
Сможешь узнать по голосу?

Вдруг он войдёт неслышною
Тенью. У окон крашенных
Встанет под самой вишнею
Рядом с цветами нашими.

Папа придёт в изношенный
Дом наш. Здесь вишня спелая,
Дверь да стена с окошками –
Всё, что осталось целое.

Там, где уют был сладостный,
Стала земля воронкою.
В сердце не будет радости,
Только обида звонкая.

Только усталость бледная.
Сердце войной растрасчено.
Ведь ордена победные
Жизнью семьи оплачены...

Здесь лишь цветы беспечные
С солнцем весны мешаются,
Мы теперь где-то в вечности.
С папой не попрощаемся...

Папа вернётся сломленный,
Но с превеликой почестью.

Мама, ты знаешь, скоро ли
Эта война закончится?

Ковалёва Татьяна Путь на небо

Залп, дым, смерть,
Трупы и тишина.
Жуткая круговерть,
Алчущая война.

Сотни дрожащих тел,
Тощие как скелет,
Двигутся на расстрел –
Дальше дороги нет.

Но, не шадя людей,
Немец кричит: «Быстрой!»
Муки узреть спешит,
Нет у него души.

Тихо на эшафот
Мама с сынком идёт.
Слёзы малютка льёт,
Сыну четвёртый год.

Крошку родную мать
К сердцу спешит прижать.
Жмётся малыш в ответ,
Шепчет она секрет:

– Слёзки не лей, родной,
А помечтай со мной.
В небе есть дивный край –
Яркий и светлый Рай.

Там, где всегда тепло,
Не обитает зло,
Соткан из облаков
Замок для ангелков.

– Кто же тогда они?
Мамочка, объясни, –
Тихо малыш шептал,
Ручки до боли сжал.

– Ангелы, мальчик мой,
Дети, что знали боль,
Видели смерть и кровь,
Но обрели любовь.

Нимбы над головой,
Крылышки за спиной,
Души, как снег чисты,
Станешь таким и ты.

Выстрел гремит как гром,
Чёрная мгла кругом.
Мама и сын лежат,
Сном беспробудным спят...

Много пришлось отдать,
Чтобы вернуть опять
Счастье и тишину
И одолеть войну.

В мире царит любовь,
Верю я лишь в одно:
«Не повторится вновь
То, что тогда прошло».

Ведь среди облаков
Множество ангелков,
Чистых, как зимний лес,
Кротко глядят с небес...

Козин Михаил Оборона Бреста

Над разрушенной каменной башней
Высоко поднят немцами крест.
Остановлен прорыв был вчерашний,
Но не сломлен фашистами Брест.
Им отплатим мы вскоре за мёртвых,
Отомстим за страдающа живых.
Под огнём в гимнастёрках потёртых,
Лишь бы старый «максим» не затих.
Лишь бы к речке скорее прорваться,
Перед смертью хоть сделать глоток.
Будут бомбы повсюду взрываться
И снарядов бескрайний поток.
Не поставит нас враг на колени,
Дух наш крепок, и край наш богат!
Знайте, здесь, у глухих укреплений,
До конца бился русский солдат.

Комиссарова Ирина Последний вальс

На чердаке пылится патефон.
Он пережиток прошлого, но всё же
Звучат прощально нотам в унисон
Те имена, что стали нам дороже.

В аккорды роз вплетались снов мечты,
И звуки вальса плыли по бульварам.
Чарующие милые черты
Прогулок при луне влюблённым парам.

Но пробил час – и дрогнула земля,
Бедой и горем страшно захлебнулась.
И золотые мирные поля
Ареной смертной битвы обернулись.

Врастал рассветов занавес в гранит.
И Легион сжигал несчётно души.
Казалось, счастье на ветру дрожит
Призрачно. Осколками разрушено...

Не все бойцы в родной вернулись дом,
Не отгорюет мать о павшем сыне.
И кто сочтёт почивших вечным сном
И на родных полях, и на чужбине?

На чердаке пылится патефон...
Он пережиток прошлого, но всё же
В нём память о друзьях, кого не сможем
Уже собрать за дружеским столом.

Корнева Софья Дороги войны

Разорваны вены, оторваны ветки,
На запад теперь не идут поезда,
Приходит черёд войны-пятилетки!
Окрашены кровью родные поля.

И раненый просит: водичку, водичку,
Санпоезд везёт их в госпиталья.
Бинтуют здесь раны ему медсестрички,
И раненым вторит родная земля.

Забитые сваи, замёрзшие руки –
Сибирь и Урал поднимают завод,
И тишь разрывается поезда стуком,
Станки день и ночь он везёт на восток.

Немного разжали кольцо мы блокады,
И первый состав идёт к Ленинграду,
Дорогой бессмертия движется он,
Спасительным хлебом наполнен вагон.

На подступах враг стоит к Сталинграду,
Сквозь степь протянулась большая рокада,
Всё новые части бросают на юг,
Фашистам прорваться они не дадут...

Зашитые вены, отрощены ветки,
В Берлин прибывает наш первый состав,
Немного приблизит и он День Победы,
И красное знамя украсит рейхстаг!

Неблизок их путь, но отрадно вернуться
На крупный вокзал и на мелкий перрон,
На каждую, каждую дальнюю станцию
Солдата везёт ставший мирным вагон...

Кофанова Анастасия Военная

медленно сворачивала свою шею мельница,
колокола вдалеке напевали посмертный седален.
надрывно и жалобно взвизгивал плач младенца
в глубинах каких-то заспанных, светлых спален.

на берегу мальчишки бросали камни в царицу-Волгу.
пашни дымились послеобеденным зноем.
ты повторяла, в окошко глядя: «уйдешь надолго»,
словно меня схоронила пред смертным боем.

фляга моя пуста была через край, да что там –
вдоволь запасаешь отсутствием мирных благ.
знает ли мать моя бедная? видит ли Бог,
как тяжело нам приходится быть солдатами?
как неоправданно песни из уст звучат.
веруешь, юная, в то, что вернусь с околицы?
я далеко. там, где и были зачаты
душащие Россию фашистские кольца.

прорвёмся! били и не таких ранее,
выворачивали, собакам, наизнанку шкуры.
вот, со мною сидит мой товарищ раненый,
склеротической жилкой бьётся и нервно курит.

подступает заря, колокольный тревожен вой.
отпевай меня там, где пролился струей багряной.
чую, запахом смерти мне явится этот бой,
дайте яду горячего или свободы пьяной.

молчала мёртвая мельница, руками в небо вздымая.
колокола вдалеке напевали посмертный седален.
ты очень долго молилась в глубинах спален,
пока мою голову обнимала земля сырая.

Лионтер Владимир **Смерть героя**

Обычный валаамский интернат –
Не для святых, но сирых и убогих.
Здесь много переполненных палат
Для стариков безруких и безногих.
Сиделки тут за всем не успеют –
А потому здесь смрад и обречённость.
У каждого – глубокий очень взгляд,
Видна в котором только отречённость.
Тут жил один герой СССР,
Израненный в бою под Краснодаром.
Подобно всем, советский офицер
Цинично назывался «самоваром».
Он никогда для всех не унывал –
Шутил про всё и искренне смеялся.
Советы всем полезные давал.
В ответ на грубость – только улыбался.
Однажды «выводили» всех «гулять» –
На мешковинах к елям прицепили.
И к вечеру с деревьев сняли – спать.
А про героя начисто забыли!
Он умер не от множественных ран,
По-тихому – без крика или вздоха.
Вот так ушёл, замёрзнув, ветеран.
И с ним ушла великая эпоха!

Мамлина Наталья **Смерть солдата**

Ты очнёшься под небом,
И природа предстанет как встарь.
Над собою, нелепым,
Ты услышишь благое: «Восстань!»

Обернувшийся ситцем
Обернёшься не фрицев проклясть,
А разорванным сердцем
К разорённому дому припасть.

И к избе твоей полем
Приведёт тебя Ангел, солдат,
И до третьего полдня
Будешь возле калитки стоять.

Макушкина Олеся **Солдат**

Солдат. Мальчишка. Только восемнадцать.
Тебе бы жить в иные времена...
Но враг решил на Родину ворваться,
И жизнь сломала подлая война.

И ты – солдат... А ведь совсем недавно
Подругу ты до дома провожал
И так хотел, хотел сказать о главном –
Что любишь... Очень жаль, что не сказал.

Но всё же не забыл ты, как когда-то
Надеялся на первую любовь.
Хоть выпала судьба тебе, солдату, –
Окопы, дым сражений, пот и кровь.

И этот бой... Последний, страшный самый.
Врагов так много, взят отряд в кольцо...
В последний миг ты, верно, вспомнил маму
И девушки любимое лицо...

Когда летел вперёд, замолкли птицы...
За Родину! Колоть! Стоять. Терпеть...
Нельзя героем просто так родиться,
Зато героем можно умереть.

Смотри, солдат, сегодня офицеры
Стоят в благоговении пред тобой.
Ведь ты для всех стал мужества примером –
В миру – погибший, в вечности – живой!

Негматова Мария

Здесь пахло сыростью и гарью

Здесь пахло сыростью и гарью,
Кто видел Суздаль, а кто Харьков,
И кто-то говорил: «Держись!»
Но не за что держаться было,
И, разозлившись, уходила
Его непрожитая жизнь.

Шла мимо душевных летних сосен,
Мимо незаданных вопросов,
Через мечты чужих невест
С надеждою наперевес.
Улыбкой облаков касалась,
Что будет длинною, казалась,
Так никому и не досталась
Его непрожитая жизнь.

Окоп накрыло чем-то скучным,
И стало как-то равнодушно,
И безразлично сразу стало
К себе, которого не стало.
Нельзя в судьбу просунуть нить,
Которой не придется шить.

И по ступеням без перил
(А иногда через ступеньку)
Он, обретя вдруг пару крыл,
Взлетел, но мерил взглядом землю:
Окоп, которого не стало,
Себя под детским одеялом
И жизнь, которая ходила,
Не опираясь на перила.

Негматова Мария

Старушка на санках кого-то везла

Старушка на санках кого-то везла,
Зашитого в белую простынь.
Старушка ещё не старушкой была,
Но стала за зиму и осень.

Едва шевелится, нога за ногой
Ступает, поскольку так надо.
Ушёл сын за мужем на вечный покой
Под звуки ночной канонады.

Как шила, грузила, где силы взяла –
Не помнит, не хочет, не знает,
И глупо вопрос задавать «как дела?»,
Кто дни той блокадой считает.

Негматова Мария

Шёл врач

Шёл врач.

Рядом с ним
В чёрной бархатной курточке
Один из детей нёс скрипку.

У булочной
Стояла толпа, в этот раз не за хлебом –
Вокруг двух узлов,
Ужасающих небо.

Стук злых каблуков и огрызки приказа.
– Врача-то за что? – из толпы летит фраза.
– Не врач, а еврей, – объясняют доходчиво
И стул выбивают под именем с отчеством.

А мальчик, спиной повернувшись к ужасному,
Смычком извлекает из скрипки прекрасное.
Две вещи сыгрались, пока не повесили.
Был стул маловат, кто-то бегал за лестницей.

На три дня безлюдно в пахнущей булочной,
Пока бархат неба сливался с той курточкой.

Николаева Евдокия Петербургу-Ленинграду

Крещенский хмурый зимний день
Гремит война, судьбой играя,
А город, сотканный из льда,
В кольце блокады погибает.

От голода едва дыша,
Они пощады не просили.
Врезая в вечность имена,
Себя на небо возносили!

Не позабыть нам никогда
Людей, что не дошли до мая,
Что уходили навсегда
Свой город кровью согревая.

Сияй, прекрасный Петербург!
Расти детей, встречай закаты,
Но вечно помни, как тогда
Тебя спасли твои солдаты!

Овсянникова Екатерина А в их глазах играло детство

...А в их глазах играло детство,
Всё им казалось впереди,
И галстук алый пионерский
Огнём горел на их груди.

Гоняли мяч, стихи читали,
Носили ранец на спине,
Но всё ж пока ещё не знали
Все эти дети о войне...

А в их глазах болела юность,
Пришедшая в столь грозный час.
Как мир посмел так обезуметь,
Лишить надежды этих глаз?

Куклы сменив на пистолеты,
Солдатики – на автомат,
Единым возгласом «К победе!»
Ребята шли в кромешный ад.

Они боялись? Да, боялись..
И слёзы лили иногда..
Но эти дети точно знали –
На их плечах стоит страна!

Спасибо, милые, за смелость,
Прощенье просим мы у Вас,
Что будущее, вашу зрелость
Войне вы отдали за нас.

Пазняк Евгений
девочка подошла к мальчику
в блокадном Ленинграде

девочка подошла к мальчику
в блокадном Ленинграде
– что у тебя в руке?
– это засохший хлеб
– дай мне чуть-чуть, прошу
– ты извини, но нет.

– я не себе, сестре
ей даже нет пяти...
– я понимаю всё
но не могу, прости

– мамы как месяц нет
мы без еды одни
каждый для нас рассвет
словно в раю огни

мы не протянем так
даже и пару дней
плохо сестре совсем
сжался, прошу, над ней

мальчик даёт ей хлеб,
падая сам без сил,
ведь этот хлеб вчера
сам он вот так просил...

Пазняк Евгений
Земли скованы звёздами инея

Земли скованы звёздами инея
Лес безмолвный окутала тьма
Лишь луны серебристая линия
Уголок освещает письма.

С поля боя пишу тебе, милая
Не надеясь увидеться вновь
Мой окоп скоро станет могилою
Но ты помни про нашу любовь.

Помни встречи негласные робкие
И цветы полевые в руке
И те книги в картонной коробке
Что на старом нашли чердаке.

Как читали друг другу их вечером
Просыпались от пения птиц
И клялись в нашей верности вечностью
Каждым вздохом и взмахом ресниц.

Пусть не чувствую пальцев замёрзших
Только сердцем я чувствую боль
И живу неоконченным прошлым
Проведённым когда-то с тобой.

Враг нагрянул оравой юродивой
Но я знаю за что умирать –
За любовь за свободу и Родину
И за то что тебя не обнять.

Петренко Владимир **Цыгане на войне**

Мой прадед не был кочевым.
Простой мужик земли сибирской,
Кто за судьбу народа бился
И кто прийти не смог живым.

Цыган – не создан воевать!
Ему бы в степь! Ему б в дорогу!
Но, видно, так угодно Богу:
За жизнь детей – свою отдать.

Цыгану б с песней в пляс пойти
Под дружный возглас: «Эй, роматэ!»
Но прадед мой... Он жил так мало.
И умер. С пулею в груди.

Я только слышал о войне.
И знаю – прадед пал под Польшей.
Я ничего не знаю больше
О нём. А он не знает обо мне.

Для всех народностей! Всегда!
Война – души сквозная рана.
До нас дошла через года
Лишь похоронка. На цыгана...

Пименов Анатолий **Партизанский отец Фёдор**

Гать. Ленинградская округа.
Фашисты пленников ведут.
На километры воет вьюга,
И через лес они свернут...

Ему вести конвой велели,
Но не страшит его конец,
Снега в забвении белели,
И триста за спиной сердец.

Он развернёт от эшелона
И доведёт до партизан...
По зову Божьего закона
Излечит Родину от ран.

Он отсидел врагом народа,
Он всё отдал народу сам,
Не позабыв в душе свободу,
Не позабыв закрытый храм.

Собрал со всех полмиллиона
Священник, батюшка простой,
На них построена колонна,
И танки с надписью «Донской»

Ведут борьбу зимой и летом,
За избавленье от оков...
Чтоб снова озарились светом
И Порхов, и сожжённый Псков,

А Ленинград – его он помнит
Сквозь дней лихих седую муть,
Как две войны и реки крови,
Как три Георгия на грудь...

Кресты поверх креста Христова,
Теперь медаль поверх крестов,
Родная церковь подле Пскова
И выцветший молитвослов.

Он пережил две мировые,
Мольбы за тысячи сынов,
Врага разил в сороковые
Священник Фёдор Пузанов.

Салмина Варвара

Им не нужен был орден почётный

Им не нужен был орден почётный,
Им не нужен был ваш парад,
Только б трупов не видеть кровавых
И не чувствовать смерти смрад.

Им не нужен был ранг ветерана,
Ваши пропуска в очередях,
Лишь бы раз написала мама
Что жива и здорова в боях.

Лишь бы друг после раны проснулся,
Лишь бы хлопнул тебя по плечу
И сказал: «Я живой, я очнулся,
А не умер в кровавом бою!»

Был не нужен салют в честь победы,
Только б сыну достался кусок
Очень чёрствого, старого хлеба,
Лишь бы жизни не рвать волосок.

Лишь бы в плен никого не забрали,
Лишь бы с фронта вернуться скорей,
Сказать всем, за солдат кто рыдали:
Победили! Мы немцев сильней!

Лишь бы в дом не сгоревший вернуться,
Лишь бы страхи страны победить
И не видеть, как сильные гнутся,
От врагов свой народ сохранить!

Сороколетова Екатерина

Вечное пламя

В чёрных блюдах зрачков
В отпущенье грехов
Догорят поминальные свечи.
Из-под век, из веков
Лицами стариков
На нас взглянут усталые дети.

Дочери и сыны
Той ужасной войны:
Голодранцы, калеки, сироты.
Им окопы, да рвы,
Да пустые гробы –
Колыбель. Укачало до рвоты.
Под гуденье сирен,
Под дрожание стен
Засыпали, и снился ребятам
Без боёв, без измен,
Без нацистских эмблем
Мир спокойный, войной не объятый.

Они видели сон,
Как мир будет спасён
От насилия, зла и страданий.
Они верили – сбудется,
Сбудется он!
Час Победы уж скоро настанет!

Сон исполнился их,
Гром оружия стих,
Развевается Красное Знамя.
Будем помнить о них –
Вечно юных, живых,
В чьих глазах горит вечное пламя.

Стойко Артём **Метроном**

Тик - так,
тик - так,

метроном
отбивает
такт.

Это значит, живой до сих пор Ленинград,
хоть и душит безжалостно враг...

Ускоряется сердца блокадного стук,
тук - тук,
тук - тук,
и рычащая стая уже тут как тут,
крест фашистский
на каждом борту...

Рёв движков и свист бомб воедино слились,
сотни взрывов взметнулись ввысь,
пульс зашкалил!!!

Но стоит прислушаться лишь –

жизнь - жизнь - жизнь - жизнь,
продолжается жизнь
в Ленинграде.

Стойко Артём **Кусочек хлеба весом в сотню грамм...**

Веками будет помнить Ленинград,
не вставший пред врагами на колени,
о том,
насколько может быть бесценен,
кусочек хлеба,
весом в сотню грамм.

Тот,
из ржаной муки и отрубей,
обойной пыли,
жмыха,
целлюлозы,
сполна в себя впитавший боль и слёзы,
но спасший жизни тысячам людей.
Кусочек хлеба

весом в сотню грамм,
с волнующим, особым ароматом –
один из главных символов блокады,
который не забудет Ленинград...

Ткачук Денис **Когда огонь до камня выжжет души**

Когда огонь до камня выжжет души,
Когда остынут наши имена,
Останется лежать: лежать и слушать,
Как тихо разъедает рыжина

Послания без точных адресатов,
Ну а пока, от боли не крича,
Во тьме не различаем снег и вату,
Багряный лист и скальпель главврача,

И бруствер здесь – кирпичная оградка,
Прямой наводкой залпы тишины...
Когда-то мы сгорали без остатка,
Чтоб вам сейчас другие снились сны,

Когда-то мы на марше пели хором –
Теперь же наши песни не слышны,
Но душ ещё искрит бездымный порох
Под бронзовым созвездием войны,

И наш огонь однажды станет вечным,
Простор небес укроет, как плита,
Рассвет отечески обнимет плечи,
И боль отхлынет, слово темнота.

Федоренко Елена **Священник на войне**

Шёл сорок третий год.
Тамбов. Разгар войны.
Осиротел приход,
Когда в конце весны

Был призван под ружьё
Священник молодой.
Привычное житьё
Разрушено войной.

Старух собрался рой
В прощанья тяжкий час:
– Постой, отец родной!
Не оставляй всех нас!

Войны тяжёл венец:
Кто плакал, кто кричал...
Взглянул на них отец
И пастве отвечал:

– Молитвой и крестом
Я бил всегда врага.
Настал ваш час постом
Закреть в сердца врата,

Чтоб души сохранить
И жизни всех спасти.
Молитвенную нить
Для вас начну плести...

Затих в тот час приход.
Пролило слёз сполна.
Был сорок третий год,
Холодная весна...

Флавианов Владимир **О солдате**

Труби, солдат, команду к бою,
Восходит солнце на штыках.
Мы заодно с родной Землёю –
Оставь, солдат, в окопе страх.

В атаку горны поднимают –
Нам в рукопашную идти,
И своё место каждый знает
В стальной отчаянной цепи.

И вот уже струится зная,
Дрожи земля, «ура» греми!
Победы разгорится пламя –
И всё же в нём, солдат, живи!..

Фомина Дарья **Фронтвые письма**

Привет, любимая, у нас опять туманы,
И пахнет наступающей зимой.
Алёшке сёстры перевязывают раны,
А он ужасно счастлив, что живой.
Озяб. Пытаюсь греться у печурки.
У сердца фото я твоё храню.
Как ты? Как мама? Передай дочурке,
Что больше жизни я её люблю.
Сегодня побывали в рукопашном.
Нас было семь, осталось только два.
Любимая, мне правда очень важно,
Чтоб ты меня любила и ждала.
А враг не отстает, идёт по следу,
Скорей всего, и завтра будет бой.
Я жду, когда Господь пошлёт победу
И встречу долгожданную с тобой.

Привет, любимый, как же я устала, –
Мы так давно не виделись с тобой.
А я в больнице медсестрою стала.
Дочь подросла и ждёт тебя домой.
Из класса только ты да я остались.
Погибли все. Не наша в том вина...
Я верю, будет в этой жизни радость –
Закончится проклятая война.
Я у иконы зажигаю свечи
И за тебя молюсь я, мой родной,
Чтоб Бог послал нам радостную встречу
И чтоб живой вернулся ты домой.
И чтоб всегда легка была дорога,
Пусть крестик мой в бою тебя хранит.
Пускай от пуль, от бед и злого рока
Любовь моя и ангел защитит.

Харитонов Евгений
Я родился, когда оттремела война

Я родился, когда оттремела война
И развеялся запах свободы.
Я не видел, что вынесла наша страна
В те далёкие, страшные годы.

Я зимою морозной в окопах не спал
И не чистил подругу-винтовку.
На помятом листе по ночам не писал,
Чтобы мать не ждала похоронку.

Не пикировал в небе с подбитым крылом,
Не горел в искорёженном танке.
И со смертью голодной не спорил о том,
Что я прав, прорываясь на фланге.

И меня никогда не держали в плену,
Не травили убийственным газом.
Я сирот не кормил, словно птиц, поутру.
И колючку не пробовал лазом.

Я не слышал те адские крики солдат,
Чьи тела были выбраны пулей.
И не видел, как в землю заходит снаряд,
Разлетаясь осколочной бурей.

Я в атаку не шел с громким кличем «ура!»,
И в меня не стреляли повсюду!
Я родился, когда оттремела война,
Но её никогда не забуду!

Харитонов Евгений
Сталинград

Я бывал на земле Сталинграда.
Кто-то скажет, что в прошлом война.
Нет, ребята, подобного ада
Не забудет вовеки она!

Видел я, как карабкалась Волга
На бетонные стены в порту.
И как пены застывшая корка
Вновь и вновь выводила звезду!

Как парили в безоблачном небе
Стаи чаек, покинув причал.
Мне казалось, они о Победе,
О Великой Победе кричат!

В дни метелей и летнего зноя
Продолжает душою страдать
За солдат, не пришедших из боя,
Многодетная Родина-Мать.

Ничего не забыто с годами,
Славный подвиг в летáх не исчез.
Даже звёзды горят орденами
На бескрайнем мундире небес!

Если будете здесь, поклонитесь
Вы у братской могилы солдат.
И за души всех тех помолитесь,
Кто погиб, чтобы жил Сталинград!

Харитонов Евгений Сон солдата

Снится ель зелёная у дома,
Рядом в цвете яблони стоят.
А сестрёнка воду из бидона
Наливает в миску для утят.

Вижу маму за окном широким,
Улыбаясь, машет мне в ответ.
А за тем сараем кособоким
На дрова берёзку колет дед.

Из ведра прожорливым цыплятам
Разбросала бабушка зерно.
И несутся к зёрнышкам, чертята,
Как большое жёлтое пятно.

Только папу я опять не вижу,
Может, на пруду, средь камышей,
Взяв с собой червей и дядю Гришу,
На таранку дёргают ершей.

Ну а может, спит себе на печке.
Только вот уже в котором сне
Вижу я, как ворон на крыльчке
Рассказать о чём-то хочет мне.

Но внезапно сон прервался взрывом,
Застонала жалобно земля.
А заря румяная застыла,
Увидав изрытые поля.

Шли вперёд немецкие колонны,
Били танки, не скрывая зла,
Видел я, испуганный и сонный,
Как старуха-смерть к нам подползла.

Слышу голос за своей спиной:
«Хватит спать! Стреляй уже, боец!»
Повернув своею головою,
Видел я, как целится отец!

Пулемёт в руках его могучих
Задрожал, не смея возразить.
Вылетали пули грозной тучей,
Лишь с одной целью – поразить!

Я стрелял, прищурившись глазами,
Рукавом с лица стирая пот.
А враги тихонько отползали,
Слава Богу, не наоборот!

Приутихли ветры на равнине,
А заря улыбкой расцвела.
Запорхало эхо в небе синем,
Распевая звонкое «Ура!»

Обнимало солнце всю пехоту...
Только я застыл, роняя взгляд –
Предо мной, прижавшись к пулемёту,
Сном глубоким тихо спал солдат.

Пробежали годы бурной речкой,
Только вот, теперь уже во сне,
Возле дома папа на крыльчке
Рассказать о чём-то хочет мне.

Цын Марина

Мой брат вчера ушёл на фронт

Мой брат вчера ушёл на фронт,
Меня одну ему пришлось оставить,
Вот только жизни без него
Я не могу себе представить.

Война, как танк, прошла по нам,
Жизнь разделив на до и после.
И как я тут, и как он там?
Когда мы друг у друга спросим?

А я всё жду, молюсь и жду,
Война пройдёт, и он вернётся,
Войдёт и скажет: «Я пришел!»
Как было раньше, улыбнётся.

Уже зима, мороз, дубак,
Но в сердце как-то холоднее,
Пойду, наверно, лягу спать,
Глаза от слёз отяжелели.

Стук в дверь, заходит на порог,
Обняв, держу, боясь проснуться,
И слёзы радости рекой,
Какое счастье – так вернуться!

Улыбка вновь, за столько лет,
Красивая, как у ребёнка,
Как жаль, что сон. А в кулаке
До боли сжата похоронка.

Шафикова Анна

Старый чайник дышит паром

Старый чайник дышит паром
Над нечищенной плитой.
Зайчик солнечный на стенке –
Об обои греет бок.

Пыль бесшумно вьётся в танце
Тонкой светлой полосой.
Кот же вьётся рыжей стрелкой
У хозяйских старых ног...

Бывший воин, нынче прадед,
Без внимания родни,
Открывает душу настезь
Детям добрым и чужим.

Из беззубых уст им правда –
Отголосок той войны...
Эта правда словно астма –
Тоже может задуться.

Старику приятно думать,
Будто то свои сидят –
И внимают, и кивают.
Иногда течёт слеза.

И дрожат внутри те струны.
С сорок пятого дрожат!
И не могут их состарить
Ни болезни, ни года.

Эта встреча подсветила
Одинокий старый мир,
Что войной по жизни тлеет,
Умирая день за днём.

... Чинно гости чай попили.
Им ещё в пяток квартир.
Дед и кот осиротели:
Вновь безлюдно. Вновь вдвоём.

Шпиякина Наталья **Повесть о Трезоре**

Время стёрлось... В домах тишина...
И от стужи по коже прохлада.
Сотни дней и ночей Ленинград
Шепчет страшное слово: «Блокада».

В 41-м сомкнулось кольцо,
Окружая ненастьем весь город.
Вторгся враг... И, ступив на крыльцо,
Он принёс артобстрелы и голод.

Мы делились до крошки едой –
Это детям... А это Трезору...
Но в то утро... Лишь чашка с водой,
Что казалась нам всем приговором.

Время стёрлось везде на часах,
«Хлебных слёз» отголоски и горя,
На лице у людей – только страх,
И надежда была на Трезора.

Постоял возле миски с водой,
Понял всё... И исчез за забором.
Мы не знали, вернётся ль домой,
Дети грустно смотрели с укором.

Ночь осенняя скрыла огни.
Сон голодный покажется адом.
Артобстрелы чуть слышно вдали
Шепчут страшное слово: «Блокада».

За окном снова стелет туман...
Среди ночи проснулись от лая.
Мы не верили нашим глазам:
На крыльце свежепойманный заяц.

С этих пор наш Трезорка для всех
Стал героем, спасая от смерти.
Свежих зайцев меняли на хлеб
И конфеты... под ёлочку детям.

Стал помощником в страшной беде,
Научил никогда не сдаваться,
Спас в блокаду 17 людей,
«Героическим псом» назывался!

В 45-м Победа пришла!
Наш Трезорка в лесок, как обычно.
След за следом тропинка вела
По привычке за той же добычей.

Взрыв... Прыжок... Отскочил... Не успел!
Злая мина... Почуял опасность...
След кровавый... До дома сумел,
Ковыляя, с добычей, добраться.

А время шло... Советская застройка...
Снесли дома... Пустеет голый двор...
Стоит здесь пёс, из дерева он только,
С припиской: «(39-45) Трезор».

А ниже надпись: «Нашему Трезору,
От благодарных, выживших людей».
За жизнь, спасённую в блокадный голод,
Растёт сейчас на этом месте ель.

Растёт, как символ в этом месте ёлка
Того, что смог он жизни сохранить,
Чтоб не забыли нашего Трезорку.
Растёт, чтоб память эту воскресить.

Шпиякина Наталья **Скажи, Война... В чём люди виноваты?**

Прошли года... Минули дни... Недели...
Затих в веках солдатский монолог.
О нём в полях шептали колыбели
И лили слёзы камни у дорог.

Тяжёлый сон?.. Как полыхали хаты,
Затих в летАх извечный крик детей.
«Уснули» наземь павшие ребята,
И лес от слёз и горя поседел.

Тяжелый сон?.. Как глугие снаряды
Съедали жизнь под гулы батарей.
Скажи, Война... В чём люди виноваты?
Зачем, Война... Осиротила матерей?

Забить?.. Как утренним расстрелом
Покрылась враз осиротевшая Земля,
И стало красным всё, что было белым...
Забить?.. Совсем никак Нельзя...

Зачем, Война... Стучалась в наши двери...
Звала на «пир» и клала на кровать?
Зачем свои ты пела колыбели,
После которых некому вставать?

Скажи, Война... В чём люди виноваты?
Что в их смертях хотела ты найти?
Звала своей погибелью куда-то,
Откуда не было обратного пути.

Невыносимы боли тягостные муки,
И под обстрелами все стёрлись голоса,
Не долгий сон... Где снова держит руку,
Той девочки, что найдена в лесах.

Шумит листва, взволнованная ветром,
И пение птиц не слышится кругом.
«Чей ты, ребенок? Невинный, добрый, светлый,
Убитый так... Безжалостным врагом».

Две ленточки, пальтишко на распашку,
Ботиночек лежит невдалеке,
«Спит» девочка... Закрыла свои глазки,
И ягодка раздавлена в руке.

Пробита грудь, от выстрела винтовки
Алеет кровь на светлых волосах.
И плачут вновь о смехе её звонком
В глухой ночи безмолвные леса.

Шумит листва, взволнованная ветром,
Из глаз танкиста катится слеза,
«Весь мир спрошу, и призову к ответу
За смерть детей заклётого врага!

Спи, девочка... Пусть лес тебя качает.
За кровь детей пощады фрицам нет!
Безмерный гнев в бою они познают,
За всё... За всё они дадут ответ!».

Замолкнет лес, встревоженный закатом,
И пение птиц не слышится кругом.
«По танкам!» Снова в путь ребятам.
Ведёт на бой танкист свой батальон.

Щитов Иван Конфеты

Часто вспоминалось деду,
Как он ехал на войну,
Колеса по белу свету
И увидел всю страну.

Но не пушкой или танком
Восхищался после дед,
А девчонкой с полустанка –
Небольшой, дошкольных лет.

Так отчаянно шагнувшей
За составом длинным вслед
И в ручонках протянувшей
Деду горсточку конфет.

На девчонку сверху глядя,
Услыхал, склоняясь к ней :
«Ты возьми конфеты, дядя!
На войне они нужней».

И, махнув скорей ручонкой
Всей солдатской гольтьбе,
Кареглазая девчонка
Затерялась вмиг в толпе.

В одночасье без причины
В горле ком встал у бойца –
У серьёзного мужчины –
Сына, мужа и отца.

Он сражался лютым зверем,
Был в бою жесток и смел,
И признался, что вкуснее
В жизни он конфет не ел.

Свой немалый вклад в победу
Девочка смогла внести,
Захотевшая конфетой
Землю русскую спасти.

Может быть, тогда для деда
Встречи не было важней:
Был готов он за победу
Жизнь отдать, как ту конфету –
На войне она нужней.

Щитов Иван
Прадед

Мой прадед после Финской
Вернулся без руки,
Но с волей исполинской
Жил, бедам вопреки.

Трудился – резал ставни.
Владея ремеслом,
Срубил он и поставил
Большой крестьянский дом.

Все удивлялись люди:
Смотри – одна рука,
А посильнее будет
Любого мужика.

В любое время года,
В пример для остальных,
Упорно он работал,
Как будто за двоих.

И мужественным видом
Был землякам знаком.
Он был не инвалидом,
А русским мужиком:

Защитником, опорой
И в мире, и в войне,
Героем, без которых
Не уцелеть стране.

Щитов Иван
Богатков

– В двадцать с лишним годков
Погубили...
– Как его? – Богатков,
Из Сибири!

– Из Сибири? – Ну да!
– Парни-воины...
Что всегда
Умирают достойно.

– Что поделаешь,
Время такое –
Беспощадное,
Дикое, злое...

То не людям,
А Господу вызов.
Сколько будет
Таких вот Борисов,

Вась, Романов
В холщовых рубашках –
Превратят
В васильки да ромашки...

Прёт война по земле
Напролом
И не знает ни слёз,
И ни слов.

Стонет Русь,
Как под страшным катком:
« Богатков... Богатков...
Богатков...»

В двадцать с лишним годков
Миллионом рядков
Сколько их? Молодых пареньков.

Щитов Иван
На подъездах к Ленинграду

На подъездах к Ленинграду
Сильный ливень и гроза.
Разорвавшимся снарядам
Громяхают небеса.

И стреляют по вагонам
Артобстрельные дожди,
Не скупятся на патроны,
С миром возжелав вражды.

По канавам и оврагам
Разливается вода,
Собирается в атаку
На большие города.

Все подъезды к Ленинграду
Дождь в кольцо стальное взяла,
И за ночь свою блокаду
Батальоном туч не сняла.

Капли выверенным строем
Прочеканили легко
Громким маршем после боя
Славу городу-герою
И защитникам его.

Юдина Анна
Что такое поиск?

Мы рано утром на разведку
Спешим, собрав с собой сухпай.
Покинув тёплую палатку,
Оставив недопитый чай.

Берём с собой щупы, лопаты.
Отрядом движемся в поля,
Где полегли в боях солдаты,
Вот это – поиск для меня.

Шурфим уже довольно долго,
Бьём обвалившийся блиндаж.
Вдруг раздаётся крик с восторгом:
Боец! И с медальоном! НАШ!

Зачистка. Мелкой дрожью
Пробьёт, как будто бы впервой.
И аккуратно, осторожно
Поднимем из земли сырой.

Вот ждём ответа у палатки –
Лаборатории лесной,
Надеясь, что сохран в порядке
И что бойца вернут домой.

Теперь и сытный ужин в радость,
Костёр, гитара – отдых для души.
Кто смелый – в речку снять усталость.
А утром – вновь в поля спешим.

Так две недели. Снова рядом
Вся поисковая семья.
Вернуть с войны – цель всех отрядов.
Вот это – поиск для меня.

И снова вахта пролетает,
Разезда вечер настаёт.
Вы не грустите, дорогие.
Мы соберёмся через год.

На этом месте, в то же время:
Где-то 10 числа.
Поднимем флаги и отыщем
Очередного мы бойца.

И разожжём костёр трескучий,
С собой гитару позовём.
Поговорим о дне грядущем:
О том, куда искать пойдём.

И по местам боёв кровавых
Всей поисковой семьёй
Отправимся на поиск павших
И обязательно найдём.

РАЗДЕЛ 3

Судьба и Родина едины!

Ангузова Валерия
Родная тропинка

Вновь иду по знакомой тропинке
Меж кудрявых берёзок и лип,
И дрожит на ветру паутинка,
Кружевной повторяя изгиб.

Всё мне близко и с детства родное,
Каждый кустик кивает мне вслед.
О, Шаранга, люблюсь тобою,
Милым краем, что солнцем согрет.

Первозданные утра рассветы
Расстилают туман у реки,
Будят рано крикливым приветом
Заголосистые петухи.

А закаты здесь цвета малины,
Сочной спелости ягод полны,
Россыпь звёзд, как алмазы с витрины,
Зажигается в свете луны.

Шёпот листьев, трепещущих где-то
На высоких могучих древах,
И мяуканье кошек, пригретых
На поленичных свежих дровах.

Воздух свежий такой, что дурманит,
Замирает дыханье на миг,
Охлаждающей свежестью манит,
Как в жару леденящий родник.

И куда бы судьба ни заслала,
Знаю точно – сюда я вернусь,
В своё детство, истоков начало,
Как и прежде, душой окунусь.

Я вернусь в дорогую глубинку,
Чтобы снова неспешно пройти
По знакомой до боли тропинке –
Самой главной в тернистом пути.

Бобылев Дмитрий
Горловка

В моём дворе златокудрый шкет
Царапал стеной лопух,
И звезды стучали по башке –
Летел тополиный пух.

Акаций ветки – легки, тонки –
Валились мешком на дно,
А там мужчина брел без руки,
Парили птенцы без нот.

И дед, вздыхая и матерясь,
Ходил по двору с ведром,
Ночной шрапнели стальную грязь
Клад в цинковое нутро.

Сказал, упрячу за террикон,
Чтоб не мешали спать,
И чёрный гравий, как молоко,
Закапал с его лопат.

И мой зелёный и дымный край
Свернулся ночным цветком –
На карте мира горит дыра,
На кислом сукне прокол.

Солдаты скачут вокруг неё,
Не могут найти войну.
А мой цветок сам в себе живёт,
И горы растут вовнутрь.

Бобылев Дмитрий **Эмиграция**

Всё забудется. Свежие росы
Упадут на иную траву.
За боями начнутся покосы,
Покраснеют кипреи во рву.

Будет мелкое золото сеять
Над волнами чужая луна,
Будет вздрагивать тонкая шея,
Довоенных мехов лишена.

Хлынет ночь в запотевшие стёкла,
Станет Сена сочиться в подвал,
На последней тесёмке из шёлка
Узелок обозначит едва

Багровевшие ветки рябины
Над скрипучим вечерним крыльцом,
И ладонь на озябшую спину,
И обжжённое палец кольцо.

...Ничего не останется после
Отдалённого стука копыт,
Лишь блеснят оловянные звёзды
Да осколок, что будет забыт.

Борисова Наталья **Чернобыль**

Чернобыль – это боль и быль,
Когда светящаяся пыль
Лежит на много смертных миль,
Живых сжигая.

Молчат промозглые с утра
Хозяйства, полные добра.
Повсюду смерти и хандра
Людей сживают.

Животных судьбы тяжелы.
В пустые прячутся углы,
Грызут сосновые полы
Больные мышцы.

От пуль домашние коты
Бегут и спят до темноты,
Пока оружий диких рты
Не станут тише.

Солдату здесь немогогу
Стрелять в собаку на посту,
Но, если вам начистоту,
Приказ превыше.

Зачистить велено район,
И дружный, скромный легион
В необработанный фургон
Кладёт пожитки.

Кому до жизни недосуг,
Несёт, не разгибая рук,
И в радиации сундук,
Иконы, нитки.

Земли снимают лоскуты,
Хоронят верхние пласты
В саду без лишней суеты,
Простой лопатой.

А ветви гнутся от плодов,
И каждый внутренне готов
Набрать на несколько мешков
Хлебов богатых...

И после в чьём-то рукаве,
В изначном, на куртке, шве
Чернобыль едет во главе
Военной части.

Одежда светится, фургон,
Блестит заряженный район.
Он ядом чистым озарён
И мёртв отчасти.

Великжанин Павел **1917**

Кумач вывешивал на щеках
По Петрограду февраль-злодей.
Толпа хлестала свои бока
Хвостами хлебных очередей.

Мечтами грелись: весна идёт!
Монарх отрёкся – вся власть тузам!
Тысячелетний ломался лёд,
Мосты вздымались руками «за».

Братанья всюду – и на фронтах,
О, как же радостна та пора!
Да только воздух уже запах
Предвестьем дыма и топора.

Так долго зрело вино свобод
В подвалах тюрем и крепостей,
Что без разбора крушил народ,
Не слыша собственный хруст костей.

Отец – на сына, и дочь – на мать,
Ржавели кровью родной ножи...
Чтоб было правнукам что снимать
На чёрно-белые плёнки лжи.

Великжанин Павел **Сибирское детство**

Меня не ссылали в Сибирь –
В Сибири родился и рос:
Штaketника серый горбыль,
Пакеты на кустиках роз,

Оковы тяжёлых одежд,
Мороз, что трещит у виска,
Забытый кругляш-Будапешт,
Отрытый на дне сундука,

И Вечный огонь раз в году,
Райгазом включаемый в счёт...
Куда же от вас я уйду,
Что б ни было в жизни ещё?

Великжанин Павел **Дети девяностых**

Ледяные батареи девяностых.
За водой пройдя полгорода с бидоном,
Сколько выгатаишь из памяти заноз ты,
Овдовевшая усталая мадонна?

Треск речей, переходящий в автоматный,
Где-то там, в Москве, а тут – свои заботы:
Тормозуху зажевав листком зарплатным,
Коченели неподвижные заводы.

Наливались кровью свежие границы –
Ну зачем же их проводят красным цветом?
А в курятнике мелькала тень куницы
В гуще тех, кто верил собственным фальцетам.

Только детям всё равно, когда рождаться:
Этот мир для них творится, будто снова.
Сколько раз тебе и петься, и рыдаться,
Изначальное единственное Слово?

Мы играли на заброшенном «Чермете»,
В богадельне ржавых башенных атлантов,
И не знали, что судьба кого-то метит
Обжигающими клеймами талантов.

Мы росли, а небо падало, аляя.
Подставляй, ровесник, сбитые ладони!
Вряд ли ноша эта будет тяжелее,
Чем вода в замёрзшем мамином бидоне.

Великжанин Павел **Серый ломоть**

Я порой бываю счастлив
Оттого, что небо сине,
Оттого, что всем ненастьям
Не сломить мою Россию,

Оттого, что передужи́м,
Улыбаясь терпкой болью,
Оттого, что есть на ужин
Серый ломоть с крупной солью.

Великжанин Павел
Хоронили эпоху по имени «Сталин»

Хоронили эпоху по имени «Сталин».
«Что же дальше?» – всех мучил вопрос...
В этот день на снегу было много проталин
От горячих и искренних слёз.

Колыма развернула течение к истокам,
Пена слов потекла с языка,
И схватились за власть два бульдога жестоко,
С беспощадностью беглых зэка.

Уводили манящие дудочки брючин
Избалованных дочек-сынков,
И опричники мётел железно-колючих
Превращались в домашних совков.

Большинству же – ни жарко, ни холодно
в целом:
Что тогда, что потом, что сейчас...
А иначе не выжить под вечным прицелом
То Господних, то дьявольских глаз.

Великжанин Павел
Баллада о собаке

На работу придорожной рощею
Люди шли – кто с мыслями, кто без.
Вдруг с утробным лаем псина тощая
Выскочила им наперерез.

Люди тормознули, шансы взвешивая:
Электричка тронется вот-вот.
«Да она, наверно, просто бешеная!» –
Крикнул чей-то искривленный рот.

«Бей её, а то сейчас набросится!» –
Камни слов гремят меж слюнных брызг...
Но над суеты разноголосицей
Жалобно взлетел щенячий визг.

Шум затих. Все повернули головы:
Под кустом, на травянистой кочке,
Копошились маленькие, голые
И подслеповатые комочки –

Мира новорожденные жители...
Замер торопившийся народ.
Расступился очень уважительно
И пошёл тихонечко в обход.

Великжанин Павел
Пробуждение богатырей

Преданье существует с давних пор,
Что живы и сейчас богатыри:
Увёл дружину батька-Святогор
Под землю и дорогу затворил.

Укрыла их собою мать-земля,
Плеснула им по чаркам сонный мёд,
Проснуться лишь тогда сынам веля,
Когда последний час Руси придёт.

Когда со всех сторон да изнутри
Попрёт вражина, души полоня,
Когда во тьме, куда ни посмотри,
Не увидеть ни капельки огня,

Когда придавит небо и вобьёт
По ноздри в землю, глиной рот забив,
Тогда-то понимание придёт,
Зачем же ты под этим небом жив.

И затрубит тебе лишь слышный рог,
Рассеяв хмарь, что головы дурит.
И выйдут самой тайной из дорог
Проснувшиеся вмиг богатыри.

Илья, Всеслав, Добрыня, Святогор,
Алёша, Глеб, Володя – весь отряд.
У них с врагом короткий разговор:
Они всё больше жестами твердят.

...Летят над Русью сполохи зари,
Разрублено змеиное кольцо,
Стирают кровь и пот богатыри.
У одного из них – твоё лицо.

Великжанин Павел Куликово поле

Ветра над полем Куликовым – как шесть веков тому назад.
И, устремляясь вдаль, суровым становится невольно взгляд.
Задумаюсь, глаза прикрою, представлю поле – как тогда:
Иду звериною тропою, из Дона пью – вкусна вода!

Цветёт ковыль, по плечи ростом. Тону я в море ковыля,
Где, радуясь тяжёлым осям, семян ждёт матушка-земля.
Стоит зелёная дубрава утёсом средь ковыльных волн.
А ветерок, лихой и бравый, легко взбежал на Красный холм.

Но нет, не только запах пряный горячий ветер мне принёс.
Врага почував, конь мой прынул, насторожил точёный нос.
Заржал он, мне напоминая, что в поле я – не праздный гость,
А линия сторожевая. И вот, собрав поводья в горсть,

Скачу к своим с недоброй вестью, что тут, сильна, как никогда,
Идёт со злобою и мстью на Русь Мамаева орда.
А там князья сидят в чашобе, до крови споря, кто главней?
И враг ликует, Русь во гробе топча копытами коней.

Мелькнет ордынская папаха – и гнутся головы окрест.
Сырой земли славянский пахарь убит, поруган... Но воскрес!
Весь русский люд: крестьянин, воин, ремесленник и зверолов –
Встаёт, решителен, спокоен, услышав звон колоколов.

И Кремль, и Сергиева лавра во все уделы шлют призыв:
«Едины будем, братья, в главном, вражду усобиц прекратив!»
И, как ручьи, от самых малых, к одной стекаются реке,
Идут дружины под начало московских стягов вдалеке.

Мужая в трудную годину, презрев беду и нищету,
Сплотилась Русь в строю едином: плечом к плечу, щитом к щиту.
О, мать-страна, ты слёзы вытри: бойцы шли с верой, не с тоской!
Их вёл к победе князь Димитрий, ещё без прозвища Донской.

Хоть непростым был путь к Непрядве, мы бой орде готовы дать.
Любой крамоле и неправде единство наше не разьять!
Для поединка с Челубеем избрал монах удел земной:
Сразив – сражён... И солнце, рдея, вошло над нашей стороной.

Весь день оно палило в небе, текло кровавым потом с лиц.
И за бойцом боец, как стебель, булатом скошен, падал ниц.
Но за победу не напрасно мы платим жизнями оброк:
Уже на холм ворвался Красный с полком засадным князь Боброк.

И по степи, огнем объятый, коней усталых горяча,
Орду мы гнали до заката к реке Красивая Меча.
Потом, вернувшись, хоронили всех тех, кто встретил в поле смерть.
Как братья, спят в одной могиле боярин, князь, дружинник, смерд...

И травы шепчутся над ними, как шесть веков тому назад,
И не один фотограф снимет над золотым крестом закат.
Средь ковылей дубы ковчегом плывут сквозь ветра непокой:
Чем выше зелень их побегов, тем глубже корни под землёй.

Великжанин Павел
Царицыну – Сталинграду – Волгограду

Здесь давно вдоль границ полыхали зарницы,
Рвались «гости» туда, куда их не просили,
И построили предки на Волге Царицын
Охранять рубежи расцветавшей России.

Много видели те деревянные башни,
Их сжигали дотла – они вновь выростали.
Солонцовую сушь люди сделали пашней
И мечи на плуги перековывать стали.

Но опять сквозь века пролегла здесь граница
Между светом и тьмой, между смертью и жизнью.
Запылала вода, но нельзя отступиться.
Город крепостью стал, защищая отчизну.

У планеты, корёжимой хворьями злыми,
На тебя опирались все меридианы.
Словно оберег свой, сталинградское имя
Надевали на улицы дальние страны.

Над водой поднимается солнце, алея,
И звенят голоса самой лучшей наградой.
С выпускного идём по широким аллеям.
Начинается день моего Волгограда.

Великжанин Павел
Гумилёв

Навстречу волнам эмиграций
И волнам северного моря
(А в рундуке лежал Гораций,
С Басё и Ведами не споря),

Навстречу огненному шторму,
Где жаром книг дома согреты,
Где, придавая грязи форму,
Морзянкой пуль неслись декреты,

Он шёл подтянутым фрегатом,
Открыто флагами сигнала
О том, что дорого и свято,
Что навсегда в его скрижалих.

Погон оторванные крылья
Вросли в расправленные плечи.
Отозвалось творимой былью
То слово, что казнит и лечит.

Святым Георгием крещённый
В кроваво-огненной купели
Он шёл путем, бедой мощённым,
И плахи жалобно скрипели...

Пред тем, как смолкнуть, в миг последний,
Щелчком отбросив папиросу,
Он прошептал слова бедни
И «Пли!» скомандовал матросу.

Великжанин Павел **Молодые поэты**

Вечно жива эта шумная братия,
Пусть даже песни её недопеты:
Вот с пожелтевших страниц хрестоматии
Смотрят на нас молодые поэты.

Кто на портретах, а кто – фотографиях.
Есть бородатые, больше – безусых.
Сами слагали себе эпиграфии
Эти язычники да Иисусы:

Кто-то – частушку, а кто-то – элегию.
Но и посмертно не выглядят кротко.
Вечная молодость – их привилегия,
Данная пулей, болезнью и водкой.

Великжанин Павел **Человек**

Ты идёшь, человек обычный,
Необычным своим путём.
Полубог ли, титан античный,
Только знающий, что потом?

Громы с молнией – всё, нестрашны!
Пусть на небо пути круты –
Наливаются светом пашни,
И прильнут к огонькам труты.

Всходы-искорки не ленивы:
Фейерверками сверк да сверк!
Дорастут – и по звёздным нивам
Заскользит серебрястый серп.

Протрубили дождей мажоры,
Солнце щурится в щель на пыль:
Ты колосья лучей тяжелых
Перевязываешь в снопы.

Урожай в закрома повёз ты:
Будут светом они полны...
А на скошенном небе звёзды
Возмещают ущерб Луны.

Гиацинтова Юлия **Тут Ожегов и Розенталь**

Тут Ожегов и Розенталь
Язык проглотят! –
Такая горькая печаль
В одном народе.

Так завещал нам царь Горох,
Что бить холопа —
Вернее, чтобы он оглох,
Глазами хлопал.

А он всё лезет на рожон,
Не зная страха,
Куда ни глянь, со всех сторон —
Тюрма и плаха.

Какого лешего, скажи,
Затеял бучу?
Живи себе и не тужи,
Века не учат?

Гляди в заснеженную даль,
Где всё не ново.
Не научил нас Розенталь
Свободе слова.

Гиацинтова Юлия **А останется что? Лишь печаль**

А останется что? Лишь печаль
И холодные вешние воды,
Пастернаковский чёрный февраль,
Уходящие вдаль пароходы.

Остаётся поваленный лес
И нетопленных изб очертанье,
В ожиданье великих чудес
Богомольных старух причитанье.

Остаётся всевидящий мент
И продравший глаза работяга,
На автобус последний билет,
Фотокарточка с крыши рейхстага.

Да туман над затихшей Окой,
Автолавка, колодец-журавль,
Левитановский вечный покой,
Суздаль, Углич, Смоленск, Ярославль...

И бескрайний болезненный стон,
Тот, что издавна песней зовётся,
И за всё до земли нам поклон —
Что же, что же ещё остаётся?..

Классен Агата
Над городом седые облака

Над городом седые облака
В небрежном отворачивании зависли.
Пульсируют курсором у виска
Разорванные светом сны и мысли.
И боль, стекая вниз по позвонкам,
Становится почти невыносимой.
Застыла Вседержителя рука,
Как молот над зарёй моей России.
Над городом нависла тишина.
И в ней почти не слышно грязной желчи.
Спи крепко, необъятная страна,
Которую и время не залечит.
Спи крепко, пусть тебе приснится рай,
В котором твои дети благодарны
За солнечность обычную с утра
И не кланут тебя у стойки барной.
Всё это не похоже на кино.
Меняются устои и режимы,
Должно быть неизменным хоть одно –
Желание любить неудержимо.
Но проще ненавидеть этот дом,
Не пожелав делить с ним сны и боли,
И сонм воспоминаний о былом,
Искать в дали ночлег и лучшей доли.

Всё рушится, что было на века.
Не разобрать, кто плут, а кто мессия.
Не дрогнет Вседержителя рука,
Готовя новый крест моей России.

Корнева Софья
Русь

Заплетает дева косы и идёт на берег Роси.
Тишина, река течёт, что-то шепчет и речёт.
То ли росы, то ли русы, ну а может Роси русло
Здесь родило слово русский!

Как река течёт, играя, постепенно набирая
Силу с каждого притока, нарастая в мощь потока,
Так и русы подрастают, с ростом силу набирают,
И всё дальше от порога их уводит вдаль дорога.

Вырастают города: Киев, Полоцк, Ладога,
Новгород, Смоленск, Изгорск, Белоозеро и Псков.
Друг от друга далеко, но общаться им легко:
Слово их объединяет, государство укрепляет.

Даже если из степи надвигаются враги,
Подминает Русь орда и сжигает города,
Пока есть язык и слово, дать отпор врагам готовы,
И из пепла подняла свою голову Москва!

Слышен колокольный звон, нам надежду дарит он.
Русь окрепла, поднялась, будто снова родилась,
Русский голос зазвучал посреди уральских скал,
К двум морям выходят смело, город строят на Неве,
на Кавказе и Днестре.

Солнце встанет на Чукотке, целый день
спешит в Балтийск,
И от края и до края в день дойти не успевает.
И везде, где светит солнце, открываются оконца
Слышен смех, и стар, и млад здесь по-русски говорят.

Лионтер Владимир Матери

Сердце щемит – что-то не в порядке –
Заболела старенькая мать.
Скорый поезд. Началась посадка.
Я уже собрался уезжать.

Но работа. День за днём работа.
И кружусь в круговороте дней:
Навалились на меня заботы.
«Мама, как ты?» – думаю о ней.

Время между тем проходит быстро:
В производстве я передовик –
Окрестил «промышленным министром»
Меня мастер, бывший большевик.

Но приходит с почты телеграмма.
Я читаю. Головой поник.
Руки к горлу. Очень душно... «Мама!» –
Разрывает грудь скорбящий крик.

Не сберёг родного человека!
Всё дела... Куда-то всё спешил.
Отмолить мой грех не хватит века...
Как я раньше равнодушно жил!

Если есть, мы этого не ценим,
Не храним (об этом тоже речь).
Мать одна – её мы не заменим!
Так давайте матерей беречь!

Макушкина Олеся Тебе, моя Россия!

Везде, всегда мне согревает душу,
Былинных дел и подвигов полна,
Могучая одна шестая суши,
Великая, прекрасная страна.

От западных границ Калининграда
И до Камчатки – стойкости гарант.
И воспевать тебя, как музу, рады
Художник, и поэт, и музыкант.

Империей или землёй Советов,
Тобой, о Русь, любой я дорожу.
И в летопись отеческих заветов
С надеждою и верою гляжу.

Ведь в ней немало встретится достойных,
Стране родимой преданных мужей.
Могучие и праведные воины,
Стоявшие на страже рубежей.

Одерживали славные победы
И шли на честный бой, благословясь.
Так от родных границ когда-то шведов
Гнал Невский Александр, великий князь.

И так туманным утром да с молитвой
На Куликовом поле за рекой,
Сойдясь с Ордою в эпохальной битве,
Сражался смело славный князь Донской.

Под знаменем стояли, не робея,
Те, чьи дела теперь живут в веках:
И Пересвет, сразивший Челубея,
И брат Ослябя, воин и монах.

И на морях снискавшие почёта,
Как славимый из глубины веков
Великий адмирал морского флота,
Непобедимый Фёдор Ушаков.

Немало битв, немало сечей было,
Но как была бы доля нелегка,
Не перечесть тех воинов, чья сила
Спасала наш народ во все века.

О, сколько вас, великих, мудрых, сильных,
Сражавшихся, не думая о том.
Вы и сейчас спасаете Россию
Невидимым сияющим щитом.

И если враг извне, как прежде, злится,
К родным границам тянется опять,
Нам нужно только духом укрепиться
И с верою за Родину стоять.

И будет вечно славиться держава,
Которой я поистине горжусь.
Страна моя! Тебе во веки – слава!
Храни, Господь, святую нашу Русь!

Мамлина Наталья

Афганское солнце в твоей голове заалееет

Афганское солнце в твоей голове заалееет,
И ты меня больше не видишь.

Вы были мальчишки.

В каком-нибудь ямбе каким-нибудь
жгучим спондеем
Когда-нибудь после я выражу то, как молчишь ты.

Сегодня я руку кладу на горячий твой лоб.
Не важно, не страшно, что я постарела, поблекла.
Душа моя, хватит ли милости нам с тобой, чтоб
Пригодными быть для дороги, ведущей из пекла?

Мамлина Наталья

Ты не премудрый, но и не пескарь

Ты не премудрый, но и не пескарь,
А жизнь – она умнее всех, и точка.
Под золотом афганского песка
Погребена была твоя отсрочка.

И понял ты, вернувшись, старый сын,
Что будет очень трудно выжить снова,
Что лучшее лекарство – это сон,
И что заснуть никак без омнопона.

...Но той, кто любит – матери – позволь
С тобою говорить о высшем знанье –
Когда умрёт, кому поведать боль,
За рамки выходящую сознания.

Мамлина Наталья

Давнишние страхи вернулись – твои конвоиры

Давнишние страхи вернулись – твои конвоиры, –
Несут нам раздоры, разлуки, безумством звеня.
В пруду отражаются ветки заплаканной ивы,
И пепел с твоей сигареты летит на меня.

В тот год, когда я родилась, рыжеватый манул
Афганской степи распознал в тебе дикого брата.
...Зачем мы знакомы, ведь я никогда не смогу
Унять твою боль, послужив тебе верой и правдой?

Пименов Анатолий

Спите, Иванычи

Спите, Иванычи, деды за плитами,
Под монументами и за гранитами,
Что вам увидится после бессонницы?
После того, как пехотой и конницей,

Танками через сугробы, болота,
Через сплошную стрельбу пулемёта,
Через цепочки тревожных огней
Каждый прошёл свою тысячу дней,

Точно один, нескончаемый, длинный,
С нашей земли басурман отодвинув.
Падали в землю в шагах от Победы
Наши Иванычи – общие деды –

Наши Михалычи, наши Петровичи,
Наши Семёнычи, наши Егорычи,
Все вы успели под общий гранит...
Нами сегодня никто не забыт.

Ситенко Виктория
Вновь не до сна. Мой близкий и родной

Вновь не до сна. Мой близкий и родной,
 Я за тебя опять молюсь Христу!
 Где ты сейчас, украденный войной,
 Какую защищаешь высоту?

Ну разве о таких высотах ты
 Мечтал когда-то, ночи напролёт?
 ...Отложены до срока все мечты:
 Мать-Родина в слезах помочь зовёт!

Где ты сейчас? Мне снится страшный сон:
 Твои ладони нежные в крови.
 И в комнату пустую рвётся стон:
 Прощу, любимый, только лишь живи!

Война. Огонь. Свинцовые дожди –
 Мелькают кадры, как в немом кино.
 Так тесно сердцу стало вдруг в груди.
 Ты будто здесь. Со мною рядом. Но...

Я заглянуть хочу в твои глаза –
 Не узнаю. Ты стал совсем другим
 И будто хочешь что-то мне сказать,
 А только смотришь грустно. Мы молчим.

– Устал? – Немного. Дай-ка обниму... –
 На миг в объятьях растворюсь твоих.
 Обрывки сна нещадно режут тьму,
 И смотрит небо лишь на нас двоих.

Засохшие от пыли, на ветру,
 Целуют губы... Мальчик мой родной!
 Где ты сейчас?

.....
 Узнаю я к утру:

Ты так прощался...
 Навсегда
 Со мной...

Стойко Артём
В память о детях Беслана

Спортзал, но не слышно ни юного смеха,
 ни стука мячей. Лишь молитвы звучат...
 Здесь детские крики проносятся эхом,
 среди сотен гвоздик и горящих лампад.

На стенах обшарпанных
 фото повсюду!
 Не воинов – сотен невинных детей.
 Хочу попросить: помолчите минуту
 за всех, кто не дожил до нынешних дней.

За тех, кто стал жертвой ужасных событий.
 Забыть невозможно: сентябрь, Беслан,
 линейка, звонок, детский крик:
 – Помогите!!!

И этот чудовищный, школьный капкан...

Навеки застывшие юные лица
 как будто пытаются что-то сказать,
 а рядом в слезах продолжает молиться
 в час поздний, одна, поседевшая мать...

Стойко Артём
Брошенный город

На переполненной болью земле,
 брошенной всеми на долгие годы,
 город один утопает во мгле –
 спят светофоры, проспекты, заводы...

Осиротели дома и дворы,
 детского смеха в них больше не слышно.
 В спешке оставленный город застыл,
 он той трагедии страшная афиша.

Здесь у бетонной могильной плиты
 много людей проявили отвагу –
 плотно сомкнувшись в живые щиты,
 слились геройски навек с саркофагом...

На переполненной болью земле
 шрам до сих пор от Чернобыльской раны:
 Припятъ вздыхает в отравленной мгле,
 спят карусели, трамваи, фонтаны...

Стойко Артём Неожиданный курс

Я отправился в плавание
из Назаровской гавани
по Сибирскому морю в Томск.
Овладев там профессией,
на одиннадцать месяцев
с ним простился, не зная о том,
Что уже в скором времени
станет он неотъемлемой
частью жизни дальнейшей моей.
И желания в будущем
в нём заветные сбудутся
наяву, а не только во сне.
Это так удивительно,
как судьба всё предвидела,
возвращая в порт сессий меня
Из залива Кузбасского,
где вода чёрной краскою
перемазана, мне не понять.
Этот курс неожиданный
для меня стал пружиною,
что, разжавшись, швырнула вперёд,
Подарив мне наследника
и, дай Бог, не последнего,
дом второй и, конечно, её...

Товескин Константин Орёл

Над Аргунским ущельем
кружится орёл.
...Небом стопка закрыта
как хлебом.
Нашу роту
небесной тропой провёл
Он когда-то до Бога,
на небо...

Есть высоты.
У каждого, видно, свои.
Звёзды нам
не давили на плечи.
...На своей высоте
мы как прежде стоим
в тишине.
Не под громкие речи.

Помнят камни,
политая кровью земля
Бесконечным
казавшийся бой.
Как кричали:
Ребята, прикройте!
Огня!
И бросались в огонь
с головой.

– Безрассудно бесстрашие! –
будут твердить
Те, кто смотрят сейчас
снизу вверх...
Мы ушли защищать,
чтобы кто-то мог жить,
Зная – жизнью не хватит
на всех...

Мы свои –
рассчитали –
до крайних минут.
Поделили по-братски
гранаты.
Семьсот семьдесят шесть –
высота, где не врут.
То ли прокляты здесь,
то ли святы...
...Над Аргунским ущельем
кружится орёл.

Знает вольный
 безмолвный свидетель,
Как на небо до Бога
 тропою провёл
Нашу роту
 на алом рассвете...

Товескин Константин
Источник

*Нет, что ни говори, земли кусок,
Когда к нему ты смолоду привязан,
Он там, внутри тебя; ты им высок,
Ему любовью к жизни ты обязан.
С.Н. Сергеев-Ценский,
из стихотворения «Родная земля»*

Подключён я
 памяти клеммами,
От крови предков
 горячими –
К источнику –
 непеременного,
Постоянного
 и настоящего,
Не меняющего
 направления,
Бьющего –
 прямо в вены,
Оставляющего
 сомнения
За высоким порогом
 веры...
Упорядоченными
 мыслями,
Генетическими
 частицами
Время предков летело,
 быстрое,
Заставляя
 меня родиться.
А они...
 погибали в войнах
И пронзали
 взглядами небо.
Почему-то сейчас мне
 больно,
Хоть я с ними
 в боях не был.
...Фото жёлтые
 в рамках пыльных,

Они стали моей
 блбью,
В потемневших
 листах альбомов.
Моим главным
 «законом Ома».
Сила предков –
 моя сила.
Напряжение –
 нарастает.
От источника –
 от России –
Мои клеммы –
 не переставить.
Не рвануть –
 наживую – в кровь.
Слишком многое –
 в этом токе.
Обесточить нельзя
 любовь,
Если
 русский
 настолько...

Федоренко Елена

Как часто проходим мы мимо друг друга

Как часто проходим мы мимо друг друга,
Не зная о том, кто над нами живёт...
Однажды свершилось: свирепая выюга
Соседям устроила жёсткий зачёт.

Засыпала снегом дороги повсюду,
Сковала моторы, и транспорт застрял.
Надаться можно лишь только на чудо,
Когда на дворе изо льда пьедестал.

Повис бездыханно оборванный провод.
Предательски стал обесточенный лифт.
«Чуть-чуть не доехав, застряла сурово, –
Вздыхнув, прошептала, – что вечер сулит?»

Не слышно ни звука, и тьма удручает.
В железной неволе минуты ползут.
Шаги вдалеке безнадежно смолкают,
Ничей не проходит случайный маршрут.

Надежды всё меньше, смартфон бесполезен –
Нет связи, не ловит упрямо сигнал.
Меж створок закрытых и мышь не пролезет...
Спасенье! Ключами греметь кто-то стал!

На зов откликается голос за дверью,
А скрежет металла дарует покой.
И сумрака сгустки нещадно редуют –
Фонарика свет в этот миг золотой.

Открыта ловушка туннельного мира!
И голос спасителя скромно звучит:
«Тимур» – «Анжелика из сотой квартиры...» –
«Быть может, ко мне нанесите визит?»

Две чашечки кофе, горящие свечи.
Танцующих бликов трёхмерный эффект.
«Метель за окошком, похоже, навечно...» –
Промолвил Тимур, посмотрев на портрет.

Из рамы дубовой, висящей на стенке,
Смотрел, улыбаясь, седой офицер.
«Бывало, мой дед в непогоду частенько
Любил вспоминать про далёкий Инзёр.

Оттуда был родом его избавитель,
Что в сорок втором на себе, из-под пуль,
В пургу, молодого комбата увидев,
Таща в медсанчасть, «мы прорвёмся» шепнул.

Потом разошлись их дороги надолго:
Дедуля в больнице с раненьем лежал,
Вернувшись на фронт, воевал он на Волге,
И так до Берлина почти дошагал.

Судьба приготовила деду подарок –
Спустя пятилетку столкнула друзей.
Идёт как-то он переулочком старым
И видит – навстречу тот самый Андрей!

Друг к другу ходили и письма писали.
Затем переехала наша семья.
Вот так эту связь мы навек потеряли.
Лишь фото Андрея храним у себя».

Достал из альбома Тимур фотоснимок.
У гостя лишь вырвалось: «Предки мои!»
На карточке старой мужчина в обнимку
С женой Анютой и сыном стоит.

Минута молчанья. Лишь блики на стенах.
А бой неустанный напольных часов
Вернул их в реальность и сделал священным
Сплетение судеб дедов и отцов.

Не знали до выюги соседи друг друга,
Хоть рядом проложен им жизнью маршрут.
Но деды с небес познакомили внуков,
В бессмертном полку ныне рядом идут.

Федоренко Елена
Россия

Страна дорогая – избранница неба!
Любой, даже тот, кто в России и не был,
Расскажет, что нет на Земле уголка,
Где щедрость природная столь велика.

Почтенный Эльбрус, необъятный Байкал,
Могучий Алтай, богатейший Урал,
Орловский скакун, Пятигорский район,
Москва златоглавая, батюшка Дон...

Завет: сохранить это всё, преумножив,
Ведь нет ничего для планеты дороже,
Чем созданный мир цитадели земной,
С его уникальной и яркой душой.

Мы – дети Отчизны, пусть век наш не долгод,
Но мы – как алмаз, а не хрупкий осколок!
И, вспомнив традиции предков своих,
Достоинственно взрастим удальцов молодых.

И правнуки наши поведают чадам,
Что всё обозримое трепетным взглядом –
Наследство великой и мощной Руси.
В её сохранение лепту внеси!

Фёдорова Вероника
Кресты

Затерялась тропинка, укрывшись травой,
На поляне опять распустились цветы,
Только в зарослях дикой малины лесной,
Словно старые шрамы, чернеют кресты.
Нет имен и фамилий, портретов и дат,
Нет прощальных букетов, торжественных слов,
Лишь кресты среди веток, как тени солдат,
Что ушли, за собой не оставив следов.
Безымянный мальчишка далёкой страны,
Твой шагами своими тревожу приют,
Позабудь на мгновенье безмолвия сны
И ответь мне: на что ты надеялся тут.
Запеклась на кресте едкой ржавчины кровь,
Средь ушедших не ищут своих и чужих,
Дети мира, родившись, не видят врагов,
Их врагами растят по приказу других.
Быть убийцей – не самый завидный удел,
Невеликая честь – исполнять приговор,
Только вряд ли об этом подумать хотел
Тот, кто жизни людей променял на позор.
Чёрный крестик в конце неучтённой судьбы,
Многогочим ставший извечный вопрос:
Путь от первого крика до этой тропы,
Где финал вездесущей малиной зарос.
Не для них журавли в поднебесье летят,
Не для них караул охраняет покой,
Воет ветер, как эхо ушедших солдат,
Что в бессмертье шагнули чужую травой.

Харитонов Евгений **Уголок одиноких детей**

В каждом городе процветающем
Среди стаи бездушных людей,
Есть забытый, чужой, увядающий –
Уголок одиноких детей.

По утрам здесь не пахнет заботою,
Сквозняками гуляет печаль.
В коридорах унылыми тропами
Сердце ищет для ласки причал.

Но не слышат страдания взрослые,
Не доносятся стоны души.
Увядают во снах полурослые,
Полузрелые малыши.

Увядают сердца нелюбимые
Без объятий своих матерей.
Увядают, судьбою гонимые,
С каждым днём всё сильнее и сильнее...

И стоит на краю обездоленный,
Сам себя ненавидящий в том,
Обречённой оковой прикованный
К одиноким сердцам – Детский дом.

Харитонов Евгений **Хата**

Как будто в чем-то виновата,
Косые плечи опустив,
Стоит в глуши родная хата –
Забытый памятник Руси.

Назло векам, ссутулив спину,
Устои прошлого храня.
Всё то, что мы наполовину
Забыли, правду говоря.

А может, всё забыто нами?
И ей доверили отцы,
Как светлый лик над временами,
Напоминать, кем были мы.

Харитонов Евгений **Порою жизнь нам кажется трудна**

Порою жизнь нам кажется трудна,
Порою жизнь нам кажется прекрасна...
Все расставанья, встречи не напрасны.
И, как глоток хорошего вина,
Она таит иллюзию соблазна.

Спасибо тем, кто больше не звонит
И не приходит в гости среди ночи.
Кто жизнь свою с моей связать не хочет...
Я не держу на вас совсем обид
И даже не скучаю, между прочим.

Спасибо тем, кто рядом столько лет
Без мелочей, корысти и притворства!
Не вопреки судьбе, а как бы просто.
Прижались к сердцу не за звон монет,
А лишь увидев в нём с собою сходство.

Порою жизнь с улыбкой мудреца,
Порою бьёт навывлет, словно в тире.
И только те, кто с нами до конца,
Их вера, честь и добрые сердца
Нас воскрешают в этом чёрством мире.

Цын Марина **Бескрайние реки, родные просторы**

Бескрайние реки, родные просторы,
Большая деревня и русское поле,
Объятия мамы и запах свободы,
И так каждый день, и так долгие годы.

Как страшно представить, что было другое,
Угрюмое небо и чёрное поле,
А слёзы стеною, а дни ожидания,
Минуты страдания и годы отчаяния.

Как много есть книг о любимой России:
Война, голод, боль, в том трепещущем мире.
И вот наконец-то любимое место,
Победы рассвет, как в рассказах из детства.

Портрет на стене, дед с ухмылкой на фото,
Он здесь молодой, фото точно до фронта,
Герой да и только, мы будем такими.
Ведь все мы за мир! А мир – это Россия.

Щитов Иван **Родина**

Ночи тёмные в селе,
Как глаза татарки.
Звёзды в непроглядной мгле
Редки и неярки.

За окошком – глаз коли,
Выйдешь на крылечко –
Лишь луна утрюмый лик
Умывает в речке.

Громкий хор влюблённых жаб
Квакает из лужи,
Тишины хрустальный шар
Не боясь разрушить.

Полночь... Улица пуста.
Только в огороде
На ветру шумит листва,
Словно шепчет: «Роди...».

Щитов Иван **Моё Отечество – деревня**

Моё Отечество – деревня,
Безукоризненная мать,
В наряде выцветшем и древнем
Готова встретить и обнять:

От закоулка к закоулку
Свои объятья распахнув,
И по привычке, ночью гулкой
Прильнув к ослепшему окну.

Рассвет рябиновый, мятежный
Рассыпан ярко на снегу,
Во все калитки безутешно
Стучится ветер на бегу.

Забор повален и расхристан,
Но всем невзгодам вопреки,
Моя бревенчатая пристань
Стоит, как прежде, вдоль реки.

Щитов Иван **Зима**

Когда зима нечаянно приходит
И светлой шалью покрывает лес,
Пльвёт земля, как белый пароходик,
По голубому мареву небес.

Десятки труб из домиков картинных
Пускают в небо плавные дымы,
И хлопья снега в тёплые квартиры
Стучатся, как посланники зимы.

Сиреневая бездна нависает
Над проторённой к речке колёй,
И тропка белоснежная лесная
Ползёт в тайгу виляющей змеёй.

Янтарным ожерельем ярких окон
Бревенчатые тянутся дома,
И целый мир, как будто белый кокон,
В который всех укутала зима.

Щитов Иван **В дороге**

К горизонту сумерки спустились,
Шпал и рельсов катится клубок.
И лежит бескрайняя Россия
В тишине просёлочных дорог.

Низенькие старые домишки
Отдалённых сёл и деревень,
Бегают вдоль окон, как мальчишки,
Резво прячась от чужих людей.

И по всей моей стране великой,
В каждом уголке лежит печать
Тайны беспредельной и безликой,
От которой хочется молчать.

Щитов Иван
Родом из Омска

Серый фасад неброский,
Скопище бледных зданий...
Каждый из нас вырос в Омске,
Хоть и об этом не знает.

Ленин застыл позёром
На площадях унылых.
Ливнем прошёл Белозёров,
Снегом лёг в грязь Кутилов.

По вечерам отморозки
Бродят под пьяным небом...
Каждый из нас жил в Омске,
Хоть никогда в нём не был.

Просит цыганка «рубль»,
Жадных проклятьем травит.
Зиму рисует Врубель,
Звёзды добавит Драверт.

В сумку пожитки кинув,
Еду скорей отсюда.
Как же сей град покинуть,
Если он есть повсюду?

Всюду свои «Амуры»,
«Кордные» и «Московки»,
«Кировски», «Порт-Артуры»,
Словно с одной зарисовки.

Еду... Зовёт дорога,
Без плачущего эскорта.
Лишь погрустит немного
Люба – жена Гасфорда.

Примет меня град Петровский,
Где я в привычном стиле,
Вновь буду жить в том же Омске,
Только в масштабах России.

Щитов Иван
Дядя Аркаша

Трубы заводов вымажут сажей
Улицы города на Иртыше.
Бродит по Ленина дядя Аркаша,
Вряд ли узнаешь его в алкаше.

Каждому встречному верный приятель,
Просит на водку четыре рубля.
Хмыкают тети и хмурятся дяди,
Грозно шумят на ветру тополя.

В тухлом ядре пролетарского ада
Жив дядя Адий неведомо как,
В сердце поэзия... кутилиада,
В жизни несоизмеримый бардак.

Воображения строя систему,
Пищей духовной до смертного сыт.
Солнце скользит по душе, как по стенам,
Счастье – незримая зыбь.

Дядю Аркашу найдут в самом центре,
В сквере уютном обретшим покой
И, уподобленным маленькой церкви,
В землю уткнувшись шершавой щекой.

Сытый потомок над скромной могилой
Скажет надменно, не ведая бед:
«Здесь похоронен Аркадий Кутилов –
Всеми безвестный поэт».

Щитов Иван **Усадьба**

Я молча сяду на ступени
Крыльца, облешего слегка.
Как будто внуком на колени
Большого дома-старика.
Меня, как малого ребёнка,
С любовью приютит старик
И скрипом половиц в потёмках
Со мною вдруг заговорит.
Он мне поведаёт о многом,
Печалей старых не тая,
Как вдаль смотря глазами окон,
Он столько лет прождал меня.
А я бродил по белу свету,
Не зная истины простой,
Что в мире больше счастья нету,
Чем возвращение домой.
Большая старая ограда,
Как детства вырванный кусок.
Забор... Дошатая заплата,
В ней два гвоздя наискосок.
И всё, что в сердце было живо,
С усадьбой той наедине
Затрепетало, закружило
И успокоилось во мне.

Щитов Иван **Уже стемнело за околицей**

Уже стемнело за околицей,
Взялись багрянцем облака,
Косые изгороди молятся
На умирающий закат.

И сеет сеятель божественный
Повсюду звёздное пшено,
Покуда крутится торжественно
Ночей и дней веретено.

Туманный луг окутан тайнами,
Умыт серебряной росой,
И в омут озера зеркального
Ныряет месяц золотой.

И в этой сказочной беспечности,
На самой кромке бытия,
Восходят в форму бесконечности
И жизнь, и Родина моя.

Щитов Иван **Я безумно скучаю**

Я безумно скучаю
По сибирскому краю,
Где деревья плечами,
Небосвод подпирают.
Где блестят полустанки
Под январской порошей
И метель, как цыганка,
Догоняет прохожих.
Я безумно скучаю
По опушкам белёсым,
По горячему чаю
После лютых морозов,
Льдами скованной речке
И петляющим тропам.
По растопленной печке
И высоким сугробам.
Я скучаю всем сердцем
По речному причалу,
Где под горочку детство,
Вдруг на санках умчалось.
Где ни слава, ни деньги
Не тревожили сроду
Быт глухой деревеньки
И простого народа.

РАЗДЕЛ 4

"Возьмёмся за руки,
друзья!"

Агейкина Юлия
Мы молоды

Мы молоды – и в этом наша сила,
Что растворит сомнения туман.
И как бы жизнь порой нас ни крутила,
Мы вовремя найдём её стоп-кран.

Мы молоды – и значит, мы активны.
Кричим смелей: «Дорогу молодым!»
Как никогда сильны и позитивны,
Спешим навстречу к будням трудовым.

Мы молоды. Крепки мы и здоровы.
Любой нам сет и раунд по плечу.
Не держат нас ни цепи, ни оковы.
И незачем ещё ходить к врачу.

Мы молоды. Мы боги Интернета,
Не отстаем от мега-скоростей.
Открыта перед нами вся планета
И все волнения современных дней.

...Жаль, молодости дни совсем недолги.
Когда-нибудь ей надо «Стоп» нажать.
Но книгу этих лет со старой полки
Всегда охотно будем доставать.

Мы молоды. Мы для сомнений – мина!
И не найти нас крепче и живей,
Ведь молодость – душевных сил вершина,
Хоть старость во сто крат её мудрей!

Алпатова Елена
Какое счастье – слушать тишину

Какое счастье – слушать тишину
И понимать, что золото в молчанье.
С беззвучием приятное свиданье
Срывает с будней быта мишуру.

Полезно ощутить в безмолвье
Всю жалкость своего существованья
И осознать, насколько бестолковы
Терзающие ум переживанья.

Средь барахла теперешнего шума
Не слышно ни любви, ни доброты...
Давайте слушать звуки тишины,
Чтоб хоть на миг увидеть в них друг друга!

Алпатова Елена
Цени

Чтоб острее чувствовать реальность,
Двигайся на ощупь осторожно.
В жизни ценно каждое мгновение,
Всё в ней чудно и подчас возможно.

В рабстве настроений и эмоций
Нелегко дышать нам в суматохе.
Но, однако, как бы день ни прожил,
Солнце завтра встанет на востоке.

В тёмной комнате светлей не будет,
Если ставни заколотишь плотно.
А ведь нам нужна такая малость,
Чтобы жить спокойно и вольготно!

Сами разрушаем поминутно,
Что дано незыблемо нам свыше.
Тело вроде живо и здорово,
А душа почти уже не дышит...

Беляева Виктория
Мой красный трамвай

Вот мой красный трамвай. Без спроса сажусь и еду.
Номер восемь задаром раньше возил с песнями.
Здравствуй, мальчик в кепочке,
тоже скучал по лету?
В той забытой школе нам стены казались тесными.

Во дворе сизари, из форточки голос матери:
«К девяти домой, хлеба купи белого!»
Наскрести бы. Деньги в кино потратили,
Половину булки, а мира где взять целого?

Говорят, в городах к июлю сплошное палево
И ломаются все на земле компостеры.
Ты берёшь меня за руку, перед глазами марево,
А на небе из ваты, дыма и ситца постеры.

Рядом дремлет старик в зелёном, как море, кителе.
Дед Роман. Живой. Люблю его в этом времени.
Мы чучухаем к центру, по радио у водителя
На затёртой волне что-то поёт нам Эминем.

А повсюду клубника, укроп и каштанов грация.
Я вдыхаю, шепчу: «Что-то тёплое испаряется».
И летит трамвай, заведую гравитацией,
И в проёме у выхода юность нам улыбается.

Пересхав планы вдоль кольцевой линии,
Бьёт по рельсам трамвай, красный, как и положено.
Мальчик в кепочке, как же тебя по имени?
Ты срываешь стоп-кран и ветром кричишь:
«Прошлое!»

Бобылев Дмитрий
Павловский парк

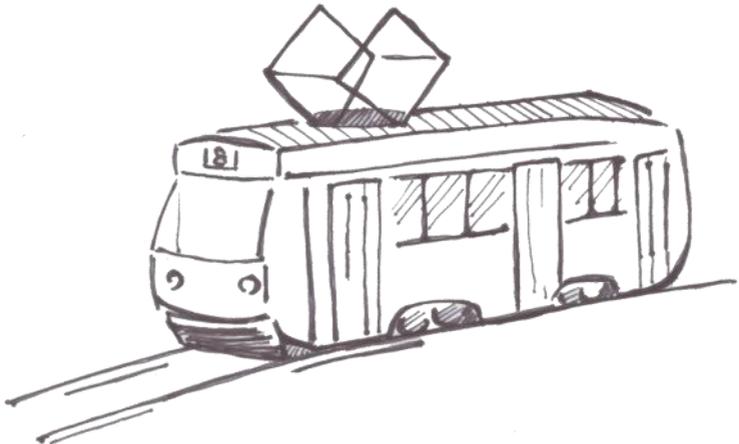
Горбатый мостик, сонная река.
Хорошая примета – возвращаться.
Мы живы, лишь когда встречаем счастье.
Тропинка замечательно узка.

Заросший парк – зелёный дикий зверь,
Прилегший с краю суетного мира,
Он так же спал в присутствии порфиры,
Болел войной, оправился теперь.

...Мне снилось: мы сидели у реки.
Хорошая традиция – теряться,
Но – чтоб вдвоем, и чтоб – едва за двадцать
Обоим. Для касания руки

Достаточно и узости тропы.
Потом во сне, за сотни километров,
Какие ж это сказочные ветры
Мне приносили след её стопы?

Сбылось, и в отражённых небесах
Я слушаю стихи её про Бога.
Вдали мне нужно было очень много:
Весну и ветер в длинных волосах.

Брестер Ирина

Мир – это выше награды

Мирное небо над головой
Весна, 2015.

Как хорошо с друзьями домой
Вместе идя, пообщаться.

– Здравствуй! Как жизнь?
– Да всё ничего.
Учёба идёт потихоньку.
– Здорово! Знаешь...
А мне от чего
Вдруг погрустнело легонько.

Я накануне альбом просмотрел
Старый, потёртый изрядно.
Прадед там в форме –
Сержант Передел.
Я и не знал. Вот досадно!

Был тяжело ранен в бою.
Выжил. Тянул до победы.
И, как сейчас,
Вдруг представил в строю
Ещё молодого прадеда.

Смелый, отважный,
Советский герой!
Вот бы за ним да в разведку!
– Да, здесь легко
Нам храбриться с тобой.
Лишь бы тылы были крепки!

Здесь и тепло, и покой, и уют.
Весна, посмотри, распустилась!
Счастливы люди в мире живут.
Мир – это высшая милость.

Есть и семья, и друзья, и любовь,
Будни студенческой жизни.
И ведь за всё это пролита кровь
Тех, кто был верен Отчизне.

Всех мы не знаем,
Но память всегда
Нас возвращает в то время.
Память героев –
Тиха и светла.
Лёгкою поступью тени.

«Мы будем помнить!»

Сказали друзья. –

«Верим и знаем: так надо!

Быть несчастливými в мире нельзя

Мир – это выше награды!»

Великжанин Павел

Стремительные спицы

Я рос в далёком Зауралье.
Был небогат, но дружен дом:
На велике одном гоняли
По очереди всем двором.

Распугивая кур и уток,
Железный конь летел вперёд.
И я, как счастья, ждал минуток,
Когда наступит мой черёд.

Один в седле – ватага следом
Бежит со всех ребячьих ног.
Дозваться из окна к обеду
Нас никогда никто не мог.

Но шина старая латалась
Почти что каждые два дня,
И в мягкой почве оставалась
Одна такая колея –

Не перепутать! И нередко
По ней в безбожно поздний час
Отцов суровая разведка
В лесу разыскивала нас...

Катилось солнце катафотом
По безмятежным небесам,
Но с каждым днём менялось что-то,
А что – не ведал я и сам.

Зубчатки все быстрее вертелись,
Велосипед, увы, не рос...
И мы с друзьями разлетелись,
Как спицы лопнувших колёс.

Теперь с трамвайного маршрута
Мне никуда не повернуть.
Вот только сердцу почему-то
Тесна порой бывает грудь,

И по ночам всё чаще снится
Звучанье ветра в струнах арф,
Когда стремительные спицы
Дороги вяжут длинный шарф.

Как будто вновь рулём рогатым
Велосипед мой воздух рвёт,
И я, как в детстве, мчусь куда-то,
Куда – не зная наперёд.

Великжанин Павел **Баллада о спусковом крючке**

Он как будто попал на крючок спусковой,
Чёрный пластик игрушки манил, как металл:
Лип к ладони: нажми! Но с пружинной тугой
Не справлялся малец – только молча мечтал.

Пальцы крепили, всё чаще сжимаясь в кулак,
И в пацанской войне, не смертельной пока,
Сбитый пулей пластмассовой, падает враг,
Сквозь прицел отразившись в зрачке паренька.

А потом поднимались с дворовой пыли,
Кто – сильней и ловчей – звал его тюфяком.
Дни летели, как пули, и годы прошли,
Обгочив ему взгляд, стружек выбросив ком.

Тренировок итог – наступил этот день,
Неизбежный, как в школе последний звонок:
Он увидел в прицеле живую мишень
И замедлил дыханье, спуская курок...

Командир хлопнул парня рукой по плечу:
Мол, награда за мной, салажонок-молчун.
А стрелок всё глядел на того, кто лежал,
Будто ждал, что он встанет. Но тот не вставал.

Великжанин Павел **Боги в халатах**

Кружились в глазах незнакомые лица
Под вой суматошных сирен.
Родные в приёмном покое больницы
Всю ночь не вставали с колен.

Но боги давно безысходно устали
От всех человеческих смут.
И скипетры из хирургической стали
Не боги, а люди берут.

Блестящий металл к бледной коже проводит
Тепло человеческих рук...
И свет замерцал на бессонном восходе,
И сердца послышался стук,

И солнце, запрыгнув в окошко палаты,
Зайчонком бежит под кровать...
Усталые боги снимают халаты,
Чтоб ангелам в стирку отдать.

Великжанин Павел **Два окна**

Мудрец спросил ученика:
– Что видишь за окном?
– Течёт свинцовая река,
Стоит угрюмый дом.

– Взгляни в окно второе, друг.
Что в нём увидишь ты?
– Вода лазурная вокруг,
И замок из мечты!

– Возьми-ка тряпку, ученик,
И к первому вернись,
И протирай так каждый миг
Стекло!
– Как долго?
– Жизнь...

Великжанин Павел **Утром**

Утром к телам возвращаются души,
С неба в жилища летят,
Где миллионы примятых подушек
Наши портреты хранят.

Солнце-котёнок с луною играет,
Трогает лапкой незлой.
Город, проснувшись, глаза протирает
Дворницкой шумной метлой.

Великжанин Павел **Катамараном**

Свою любовь храня упрямо
В ненастьях времени-реки,
Бочком к бочку – катамараном –
Идут куда-то старики.

Плывут, как сросшиеся лодки,
Друг друга за руку держа.
Пускай их путь был не коротким –
Над золотом не властна ржа.

Грустить бы только светлой грустью,
Не торопить бы вечный бег,
И чтоб у всех, пришедших к устью,
Был рядом близкий человек.

Великжанин Павел **Ежедневное чудо**

Не устал удивляться
Я обычным вещам:
Аромату акаций
И наваристым щам,

Появлению света
На небесной слюде,
Щебетанию с веток
И рождению людей.

Происходит повсюду,
И далёко, и близ,
Ежедневное чудо
Под названием жизнь.

Великжанин Павел **Братайтесь, бойцы безрассудного лета!**

Затихли гремевшие гирями грозы –
Весы Зодиака застыли устало.
Уходят дожди журавлиным обозом,
Смывая осевшую пыль с пьедесталов.

Серебряной ваксой ботинки начистив,
Паук расставляет осенние сети,
И красные книги сгорающих листьев
Лениво читает задумчивый ветер.

Земля забинтована марлей тумана.
Братайтесь, бойцы безрассудного лета!
Змеится сухим иероглифом рана
Запекшихся губ всё познавших поэтов.

Кричат в небе птицы, снижаясь полого.
Упрямое солнце пробилось сквозь тучи.
Меж мокрых полей потерялась дорога –
Упавший и сразу растаявший лучик...

Великжанин Павел **Бой со смертью**

Бой со смертью – всегда поражение,
Хоть японец ты будь, хоть валах.
Смысл жизни – в её продолжении,
В наших детях и в наших делах,

В том, что искрой летит сквозь Вселенную
От седого костра – к молодым,
Возрождая из праха – нетленное...
Остальное – лишь пепел и дым.

Великжанин Павел **Баллада о щите**

В разгаре королевский пир,
И рыцари на нём
Под звон бокалов, не рапир,
Толкуют с королём.

А в центре зала, над столом,
С давнишних пор висит
Почти под самым потолком
Большой старинный щит.

Вот гость поднял бокал вина
В пылу речи хмельной:
«Да будет наша кровь красна
Как щит, что надо мной!»

И полстола ему: «Ура!»
Но на другом конце
Кричат: «Напилил ты, дурак,
Заканчивай концерт!»

Нам кровь лягушек не нужна!
Смотри: зелёный щит!»
И вот уж сталь обнажена,
Кровавый спор кипит.

За правду бьётся тот и тот,
Дерутся те и те:
Любой и спяну разберёт
Свой цвет на том щите.

Лишь умирающий поэт
Увидел всё не так:
Зелёный цвет и красный цвет –
Две стороны щита.

Великжанин Павел **Красное вино осени**

Ну, хоть капельку красного брызни:
Летней жаждой иссушены донья.
Обрываются линии жизни
На трёхпалых кленовых ладонях.

Хмурый доктор капелью морфина
Погружает всё в спячку до марта,
И курсор журавлиного клина
Тщетно ищет иконку рестарта.

В произвольной ледовой программе
Поцелуются автомобили.
Разлучённые рыбки гурами
Об аквариум сердце разбили.

Светофор подмигнул средним глазом,
И я понял: кромешная выюга,
Загребая в охапку всё разом,
Нам согреться велит друг от друга.

Великжанин Павел **Открытой двери свет**

Домой шагаю. Поздно.
Лишь тень скользит у ног.
Встряхнётся сонный воздух,
Почешет мягкий бок.

Ветвями ивы дрогнут
Ресницы тишины,
Но неба плащ застёгнут
На пуговку луны.

Опять ни звука в мире,
А в доме – всё темно,
И лишь в одной квартире
Неспящее окно.

И на пороге ляжет
Открытой двери свет,
И голос близкий скажет:
«Ну, вот и ты. Привет!»

Великжанин Павел **Баллада о доноре**

Ты шла по улице походкою весенней
Под светофоров зеленеющей листвой,
Но кто-то мчал, пытаюсь выгадать мгновенье...
Визг тормозов перечеркнул путь жизни твой.

Реанимация – и коридор так светел,
Но льют врачи в тебя спасительную кровь:
Она магнитом держит душу на планете,
А ты, Костлявая с косой, тут не буровь!

Чужая кровь омыла замершее сердце,
Живой водой по тонким венам потекла...
Твоим родным палата распахнула дверцы –
Как будто ангел с доброй вестью – два крыла.

Ты поправляйся там, сестра, дай бог здоровья,
А я ещё пока сдам кубиков пятьсот:
Ведь, может быть, породнены мы общей кровью,
Хоть не знакомы ни заочно, ни в лицо.

Великжанин Павел **Крылатые портфели**

Звонок прозвенел, и срываются классы,
Теснины дверей водопадами пена.
Крылатых портфелей гремят маракасы,
Как марш перепрыгнутых в спешке ступеней.

Несётся из школы горластая группка,
Как будто из плена сбежавшая смело,
И кажется вновь, что одна только губка
Впитала с доски все премудрости мела.

Портреты, равняясь в настенном параде,
Глядят на людей, что в пустых кабинетах
Почти не видны за горами тетрадей
Контрольных, диктантов, задач и ответов,

Чьи лица вечерней усталостью блёкнут,
Чей почерк застыл на незримых скрижалях...
И вдруг понимаешь, что школьные окна
Всю жизнь тебя светом своим провожали.

Великжанин Павел **Мой город**

Я вписан в этот город, как строка.
Я – клинопись шагов на тротуарах.
Деревья, до последнего листка,
Хранят меня среди рукописей старых.

Ничто не пропадёт и не уйдёт,
Но прочитать кто сможет эту книгу?
Чтоб там, где переулка поворот,
Увидеть вдруг житейскую интригу,

Размашистые, чёткие шаги,
И детские каракули вприпрыжку,
И чье-то восклицанье «Не беги!»,
И чью-то беспокойную одышку.

Мой город помнит миллионы лиц,
Неровные, запутанные строчки,
Из каменной души не рвёт страниц
И чуть вздыхает у последней точки.

Великжанин Павел **Сварщик**

Целует спящую жену,
Чаёк на кухне пьёт в охоту,
И ранним утром, в тишину,
Идёт привычно на работу.

Приладив на лицо щиток,
Он всё проверит, обернётся –
И побежит электроток,
И в пальцах молния зажжётся!

Металл послушен, как дитя,
Его рукам, на вид несильным:
Всю смену, будто бы шутя,
Сшивает сталь дугою синей.

А после – немудрёный быт
Квартирки в угловом подъезде.
Там сын растёт. Там две судьбы,
Надёжно сваренные вместе.

Великжанин Павел
На апрельском ветру

На апрельском ветру не шумели берёзы нагие,
Хоть, наверное, им и казалось, что всё понарошку.
Но они,
наклонившись к открытой могиле,
Вместо комьев земли за серёжкой бросали серёжку.

Напоённые соком, идущим от самых корней,
Те ложились в набухшую почву, долги отдавая.
Видишь, нет
в той цепочке разорванных звеньев.
Значит, каждая веточка нашего древа – живая!

Великжанин Павел
В едином свитке

Туман заполнил узких улочек листки,
Молочной тайнописи между строк подобен.
Слепцы-троллейбусы, держась за поводки,
Едва нащупывают Брайлев шрифт колдобин.

А я сижу в одном из них, к стеклу припав,
Как в перископ смотрю из домика улитки:
Вокруг меня – семь миллиардов смутных глав,
Что пишут – каждая себя – в едином свитке.

Великжанин Павел
Дыхание Вселенной

Время уходит сквозь пальцы, как кровь,
Хлещет струей из разорванной раны,
Стрелки царапают вечность... Но вновь
Молча застыли громады-курганы.

А за кулисой театра теней
Лишь силуэты скользят вдохновенно,
Тихо колеблется маятник дней,
Словно дыхание спящей Вселенной.

Великжанин Павел
До того ли нам тут света?

До того ли нам тут света?
Перед кем здесь падать ниц?
Вся изъедена планета
Червоточиной границ.

Надуваем щёки в спорах
В реактивную дуду,
Всяк – свою, и очень скоро
Будем спорить мы в аду.

Гиацинтова Юлия
А за окном – сирень

А за окном – сирень,
А в голове – туман,
В этот апрельский день
Кто-то сойдёт с ума.
Можно вино купить
И напоить весь двор,
Можно тебя любить,
Только всё это вздор!
Сяду на свой трамвай
(Пусть и трамваев нет),
Завтра наступит май –
Я подарю букет.
В этих цветах простых
Родины и любви
Больше, чем вместит стих
Или глаза твои.
В этот апрельский день,
В этом апрельском дне
Просто оставь сирень
Памятью обо мне.

Ермакова Александра
В дороге

Кто застоя боится,
Тот в дороге всегда.
Как вода застоится –
Загнивает вода.
Из ладоней не льётся,
Не идёт на питьё,
Не берут из колодца,
Не отчерпав её.
Но чем чаще берётся,
Тем в ней больше нужда,
Тем свежее в колодце,
Тем вкуснее вода.
Мне бы счастье простое –
Тихой речкой звеня,
Жизнь прожить без застоя
До последнего дня.
Путь пробить (как не труден)
В заповедный залив,
До последнего людям
Себя раздарив.

Ермакова Александра
Встаю до рассвета

Встаю до рассвета,
Иду через поле.
А небо над полем
Большое-большое!
Иду по оврагу
В пахучем тумане,
А стёжка всё вьётся,
А стёжка всё манит
В ольховник, в осинник,
В бессмертный брусничник...
Мне всё тут знакомо,
Но всё необычно.
А ветер польётся
По зарослям росным –
Качнут головами
Тяжёлые сосны,
Ударятся шишки –
Разбудят синицу.
И солнце засветит зарю-заряницу.

Заборцева Варвара
Банка малины

Слушай,
Достанем банку малины?
Там, наверно.
Возьми табуретку.
Помнишь, как утром румяным и блинным
Солнце на блюдечко падало метко?

Можно варенья? Не надо сгущёнки.
Не-а, не слипнется.
Чур мне зажарный.
Бабушка тышкает розовощеких:
«Ись надо вдоволь,
Работать – ударно».

Вечером – гости.
Дед на баяне
Как заиграет «Весну на заречной...»
Мир этот звонкий, песнями пьяный
С детского стульчика кажется вечным.

Вот он, в сарае.
Пылится, родимый.
Банки, ковры и дрова –
Всё едино.
Тянутся руки на запаха любимый –

Хрустнула ножка.
Разбилась малина.

Заборцева Варвара Новоселье

Избы,
Где шум новоселий
Слышался весь июнь,
Нынче вырастают в землю.
В землю.
Куда ни плюнь.

Строили всей округой.
Охали всем селом.
Некому с первой вьюгой
Дверь подпереть колом.

Хочешь –
Ломай ворота.
Хочешь –
В окно залазь.
В банках тоскуют шпроты
Да макарон запас.

Сложены рядом с робой
Платья да пара брюк...
Станет им вечным гробом
Самый баской сундук.

В раме – товарищ Суслов.
Холоден.
Как фарфор.
Бросил портретик тусклый
Возле крылечка вор.

Держатся еле-еле
Ломтики потолка.
Избы уходят в землю,
Жители – в облака.

Заборцева Варвара Последний пёс

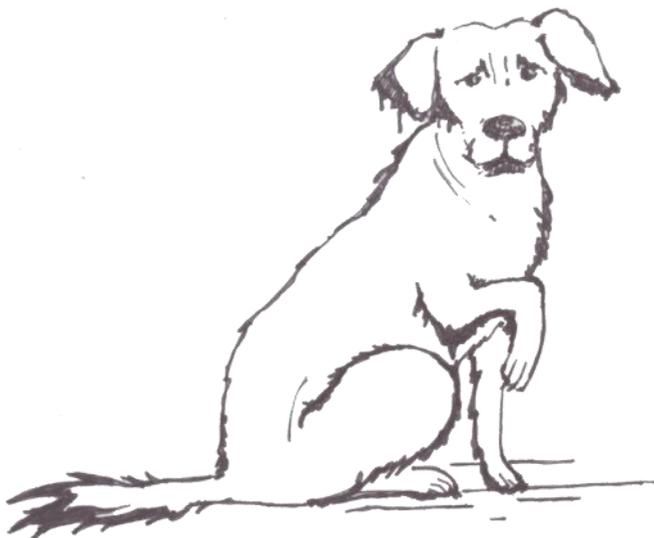
Последний житель списанной деревни –
Лохматый пёс без клички и хвоста.
Глощает воздух. Совсе не весенний.
Встречает март у бывшего моста.

Смирненно ждёт: когда же на рыбалку?
Хозяина не видел целый год.
Лохматый пёс. Он северной закалки.
А значит, дозимует. Доживёт.

Открыт назём, как вспоротое брюхо.
Гниют штаны на голых вешалах.
Никто не даст по пьяни оплеуху
И косточку не кинет со стола.

Он звал, как мог. Настойчиво. Напевно.
Морозы пережил. А по весне
Последний сторож списанной деревни
Покинул пост

В холодной тишине.

Завизион Елена **Наша память**

Решусь ли рассказать о получуде,
Когда чудес немало в мире есть?
Так странно, например, что все мы люди
И в час единый появились здесь.

Так странно, что, когда один боится,
Другой, преодолая страх, идёт,
Но всё способно вмиг перемениться,
Лишь только день несчастья настает.

Чудес иных несчитано на свете,
Но я сейчас не говорю о том.
Есть у меня иное на примете –
То, что случилось в городе моём.

Был День Победы. Солнце освещало
Любые стены, всякий уголок,
И музыка откуда-то играла.
Взгляд каждого был радостен и строг.
В глазах людей сияло осознание
Единства, что скрепило их сердца,
И это было лучшее признание
Всех, что за мир стояли до конца.

И это было лучшим из ответов,
Что времени жестокий эпилог
Разбил, не пощадив, Страну Советов,
Но Человека он разбить не смог!

И люди шли, все вместе, твёрдым шагом,
И трепетен и важен был момент.
Шли, озаряя небо алым флагом,
Чтоб возложить цветы на постамент

И вспомнить всё, что было. И, быть может,
Сказать спасибо. А ещё затем,
Чтоб мы, пройдя свой путь, учились тоже
Отчизну ставить выше всех проблем.

Ценить друзей, любить семью, напрасно
Не разрывать на нации народ!
И помнить, вечно помнить, ежечасно,
Что был недаром Сорок Пятый Год.

Шли Люди.
Люди из иного Века.
Что в бережных руках
Родной Земли
Призвание и Имя Человека
Из Прошлого к Потомкам принесли.

Нам с Памятью своей нельзя расстаться,
Как Жизнь, как Воздух нам она дана!
И всё-таки нельзя не восхищаться
Тем Духом, что вселяет в нас она!

Ковалёва Татьяна Серый мир

Мёртвый город без цветов и красок,
Мрачный, чёрно-белый и пустой.
Страшный город призраков и масок,
Жуткий край, убитый тишиной.

Здесь нельзя дружить и обниматься,
И любить – тут самый страшный грех.
В городе позорно улыбаться,
Запрещён законом звонкий смех.

В сером доме с тёмно-серой крышей,
С серой каруселью во дворе
Жил мальчишка жизнью серой мыши, –
Самый одинокий на Земле.

Просыпался в серой комнатухе,
Разлепляя серые глаза.
И, играя в серые игрушки,
Представлял цветные чудеса.

Он искал в других цвета и краски,
Но тонул в бездушии людей.
И мечтал проснуться в яркой сказке,
Полной разукрашенных идей.

Где горят малиновые зори,
Бурый лес и жёлтые луга.
Где бурлит лазоревое море,
И сверкает радуга-дуга.

Где не стыдно весело смеяться,
Не зорно верить и дружить.
Где друг другу можно улыбаться
И возможно искренне любить.

Но его мечту не понимали:
«Это всё - фантазия и бред!»
Странным мальчугана называли
И кричали, издеваясь, вслед:

– Ты с планеты Глупых почемушек,
С улицы Немыслимых идей,
С переулка Несусветной чуши, –
Самый ненормальный из людей!

Серый дождик льёт из серых тучек,
Давит город мёртвой тишиной,
Горько плача, мальчик невезучий,
Тихо брёл по серой мостовой.

«Неужели нет цветов и красок,
И всё это – глупая мечта?!»
Льются слёзы из потухших глазок,
Поглощает душу пустота.

Только вдруг среди мрака и разрухи
На холодной серой мостовой
Появился парень лопоухий,
Улыбаясь крошке с теплотой.

Он смеялся звонко и задорно,
Не стыдился, казалось, ничего.
«Но ведь это странно и позорно», –
Думал мальчик, глядя на него.

– Кто же вы? – Спросил малютка тихо,
От волнения сдавленно вздохнув.
Странный парень усмехнулся лихо,
Озорно мальчишке подмигнув.

– Я с планеты Глупых почемушек,
С улицы Немыслимых идей,
С переулка Несусветной чуши, –
Самый необычный из людей.

С миссией волшебной и великой
К вам я прислан из других планет.
Город чёрно-белый и безликий
Нужно мне раскрасить в разный цвет.

– Вы смеётесь, видно, надо мною?! –
Дрогнул голос мальчика, звеня. –
Нет цветов и красок, я усвоил,
Ах! Прошу, не мучайте меня!

Серый дождь хлестал, не утихая,
Плачь малютки в гомоне глуша.
Но в объятьях ласково сжимая,
Согревал волшебник малыша.

И шептал на ушко осторожно:
– Сказка есть, но то – большой секрет!
Волшебство свершить довольно сложно,
Только если веры в чудо нет.

Увлекая крошку за собою,
Взмыл волшебник в небо в тот же миг.
Только небо пепельно-седое
Поглотило мальчугана вскрик.

И, в ладоши хлопнув сто три раза,
Дунул маг в чудесную свирель, –
И из туч, набухших до отказа,
Полилась на землю акварель.

Яркий ливень хлынул на долину,
В каждой луже цветом заиграл.
Создавая дивную картину,
Мёртвый город разноцветным стал.

Улыбались бабушки устало,
И смеялись звонко малыши.
Всё вокруг живым и тёплым стало,
Сбросив тень чернильной паранджи.

И пока весь мир преображался,
В вышине над городом кружа,
Радостно мальчишка улыбался,
За руку волшебника держа.

И уже от счастья, не от горя
Покатилась жемчугом слеза.
Голубые, словно сине-море,
Засияли детские глаза.

Точно в сказке мимо проносились
Бурый лес и медный солнца круг.
Сотни звёзд рубинами искрились,
И пестрел цветами жёлтый луг.

Но настало время расставанья,
И, взглянув в счастливые глаза,
Маг сказал малютке на прощанье:
– Ты прости, но мне пора назад.

До свиданья, мальчик синеглазый,
Но запомни: коль наступит грусть,
Ты в ладоши хлопни сто три раза,
Я на зов немедленно явлюсь.

Прилечу с планеты Почемущек,
С улицы Немыслимых идей,
С переулка Несусветной чуши, –
Самый необычный из людей.

Лионтер Владимир **Весенняя надежда**

Российские соломенные крыши
Перед собой я вижу наяву.
И пенье птиц и звон ручьёв я слышу.
Всё вижу, слышу, чувствую – живу!

Мотив весны – весёлые свирели
Щебечущих отрадно соловьёв.
Весна вошла в распахнутые двери,
В незапертые форточки домов.

Уже не будет так, как было прежде –
Куда-то едет жизненный вагон...
Весна дала мне новую надежду –
На лучшее не прожитых времён!

Петров Андрей **За каждой растратой, за каждой гранатой**

За каждой растратой, за каждой гранатой –
Строй непобедимых и невиноватых.
Затупим мечи и коней построеножим:
И с теми, и с теми война невозможна.
Пусть лучше слезами, чем кровью, прольются
Кипящие воды твоих революций,
Пусть не пожар, а заря полыхает,
Нас с улицы вечером не отпуская.

Рассохина Валерия **Маки**

Распустились маки,
Где растёт пшеница.
Стали с красным злаки,
Поле – как Жар-Птица.

Будто капли крови,
Где сраженья были.
И с пшеницей вровень
Капельки застыли.

Одурманит запах
Алого цветка.
Скатится росинка
С шёлка лепестка.

А под вечер маки
Спрячутся в бутон.
Не тревожат злаки
Их полночный сон.

Ситенко Виктория

Ночь

С горизонтом целуется солнце,
От смущенья невинно краснея.
День исчерпан до самого донца.
Бродит вечер по темным аллеям.

Юный ветер смеётся игриво,
Нежно гладит берёзкам колени
Гордый месяц глядит молчаливо
На безликие, серые тени.

Где-то пахнет полынью и мятой.
Ива косы себе расплетает
И глядит в чистый пруд виновато,
И, о ком-то вздыхая, рыдает...

Кто-то бисер из звёзд жёлто-алых
Разбросал по небесному пледу,
А потом незаметно собрал их,
Ничего не оставив к рассвету.

С горизонтом прощается солнце,
Расчесав рыжий волос едва ли.
Ночь испита до самого донца.
Ни глотка не осталось в бокале...

Ситенко Виктория

Алтайское лето

Алтайское лето, как яблони цвет:
Красиво, но так скоротечно!
Оно горным эхом невидимый след
В сердцах оставляет навечно.

Алтайское лето – густой сладкий мёд,
Кусты золотой облепихи...
И зоркого коршуна гордый полёт,
И цвет ароматной гречихи.

Алтайское лето – богатый улов,
Уха на костре для гурманов,
Томлённый на солнышке воздух лесов
И свежие сливки туманов.

Алтайское лето – слепые дожди,
Шалфеем поросшее поле,
И ленты дорог, что бегут впереди,
И тучки на синем просторе.

Алтайское лето – как вспышка зарниц,
С рассветом однажды растает.
Лишь гром уносящих его колесниц,
Надежду на встречу оставит.

Ситенко Виктория

А между летом и зимой таилась осень

...А между летом и зимой таилась осень,
С июньским солнышком и снегом декабря.
Вплетала легкою рукой туманов проседь
В листву реденеющую, в русые поля...
А между летом и зимой так стар и зыбок
Над бездной прошлого качающийся мост.
Под ним мы ищем теплоту былых улыбок,
Не разглядев над головою света звёзд.
А между летом и зимою – чай из мяты,
Уютный плед и строчки старого письма,
И недописанных стихов листок измятый,
И в голове осенних мыслей кутерьма...
А между летом и зимой нельзя укрыться,
Душа продрогла, как берёзка на ветру.
Блуждает осень, словно рыжая лисица,
А мне приходится играть в её игру:
Искать лучи в руинах рухнувшего неба,
Дождинок нити крепко на руку мотать,
Признаньям ветра молодого верить слепо,
К лицу печальному улыбку примерять.
И если кто-то вдруг меня украдкой спросит:
«Да что, скажи, случилось странное с тобой?!»
Я, не задумываясь, брошу: «Просто осень.
Застрыла в сердце... между летом и зимой...»

Товескин Константин Мечты

– Первый в космосе – наш!
Гагарин!
Мы вскочили –
как будто взлетели!
Мы бежали,
двери толкали
К выходу! На улицу!
К цели!
Небо разорвало в клочья
тучи. Засияло – синее!
И кричали мы в небо – точно
сами стали как Он – сильными!
Сами стали
как будто выше,
И невольно тогда казалось,
что до Марса нам –
Как до крыши
института – самую малость!
И седые доценты
смеялись,
Вида нас –
«воробьиною» стаю.
...Мы тогда
ничего не боялись!
Мы тогда
обо всём мечтали!
И, показывая
траектории,
Воздух
мы рассекали дугами
Все – в теории –
были героями,
Был Гагарин – в теории –
другом нам!
...Не в теории,
а практически –
Мы потом,
захлебнувшись физикой,
Приближали
свой век Космический
В комнатёнках
с потолками низенькими,
В засекреченных
лабораториях,
Мирозданья
вскрывая тайны,

В переполненных
аудиториях –
Ближе
делали Космос дальний!
...Но, внезапно,
как невесомость –
Тишина – в пространстве
квартирном,
И...
– Внучок,
прости за нескромность,
Ты-то кем
хочешь стать?
– Банкиром...

Федоренко Елена Людям

Миллиарды людей на планете Земля.
Я сегодня ко всем обращаюсь: «Друзья,
Предлагаю оставить пустую борьбу.
Не ломать, а устраивать вместе судьбу.

За бескрайнее небо, за недра, моря,
Острова и ресурсы нам биться нельзя!
Возводите мосты, а не башни и рвы,
Укрепляйте любви незаметные швы.

Посмотрите скорее друг другу в глаза
Мы едины! Различные лишь адреса.
Мы – любимые дети планеты Земли,
Для неё мы всегда и повсюду свои.

Светит Солнце на каждого с лаской одной,
Океан омывает всех равной волной.
По утрам, улыбаясь, встречайте рассвет
И ищите гармонию, радость и свет».

Федоренко Елена Судьба Земли

По синему небу бегут облака,
Сменяются краски природы.
История помнит часы и века,
Провалы и яркие взлёты.

Но более помнит планета моя
Конфликты, восстания, смуты...
Ей плохо и больно. Родная Земля
Лечилась цветением руты.

Затянуты раны целебной водой,
Омыты страданья дождями.
Как вдруг революции час роковой
Настал, вдохновлённый вождями.

И снова душа у планеты болит,
А сердце рубцами изрыто.
Движение пошло тектонических плит –
Природой ничто не забыто.

Всё помнит, всё знает родная Земля:
Расколы и церкви, и власти...
Стоят окроплённые кровью поля –
Вокруг постконфликтные страсти.

Лечилась планета высокой волной,
Пытаясь разгладить обиды.
А воины снова шли грозной стеной –
У стран притязанья и виды.

За метры земли в неустанной борьбе
Повсюду идут эшелоны.
И снова планета вызывает в мольбе,
Пульсируют горные склоны.

Но с Запада новая буря идёт,
И жар над Востоком витает.
Планета пощады и отдыха ждёт.
Смотрите, уж Арктика тает!

Федоренко Елена

Представь на миг: безлюдная Земля

Представь на миг: безлюдная Земля,
И нет того, кто портит атмосферу...
Твой взор скользит по строкам Бытия,
Но как же сложно это взять на веру!

Представь ещё: обилие цветов,
Покой озёр и горные каскады,
Да пенье птиц на множество ладов,
Что славят Бога – им не много надо.

Теперь представь, как счастливы они,
Ловец лихой не жаждет строить клетку.
А в небе звёзды, яркие, как огни –
Неон гирлянд для них не создал сетку.

Затем вернись в привычное, в «сейчас»,
Припомни все закаты и восходы.
Природа ждёт не грубости от нас.
Любви желает, трепетной заботы!

Флавианов Владимир

Дарите людям доброту...

Дарите людям доброту,
Своим, чужим – не очень важно.
И побеждайте пустоту
В сердцах стальных или бумажных.

Дарите людям доброту –
Улыбка может стать наградой!
Когда совсем невмоготу
И на пути одни преграды.

Дарите людям доброту
От всей души, без дивидендов.
И свет вольётся в темноту,
И звук возьмёт своё крещендо!

Цын Марина

Там, куда так рвётся сердце

Там, куда так рвётся сердце,
Где бушует океан
Я отправлюсь на рассвете,
Своей собравши чемодан.

И, вдыхая полной грудью
Запах трав после дождя,
Я почувствую мурашки,
Что окутали меня.

Я пройду у гор подножья,
Ощущая силу скал.
И закрыв глаза, вдруг вспомню,
Что как-будто здесь бывал.

И, отбросив все сомнения,
Я сюда вернусь опять.
Чтобы сесть у океана
И как прежде помечтать.

Шафикова Анна

Русская глубинка дышит полной грудью

Русская глубинка дышит полной грудью:
Из ноздрей клубится терпкий банный пар,
Выдыхает горечь честной самокрутки
Да туманный призрак – самоварный жар.

Русская глубинка песни запекает,
Бусы собирая из старинных слов.
Косы резким альтом людям подпевают,
Рассекая поля золочённый кров.

Русская глубинка крестится в часовне,
Улыбаясь небу, кланяясь земле,
Истинам внимает молчаливо, скромно
В летний зной звенящий, в лютую метель.

Русская глубинка спит у тёплой печки,
Видит добрых предков сквозь туманы снов...
С тихой молитвой тушит солнце свечки.
Русская глубинка – русский дух веков!

Шурыгин Андрей

Я не приемлю мир таким!

Я не приемлю мир таким:
В жестокости людской,
Когда себя мы защитим
Лишь гробовой доской,

Когда застелет солнца свет
Пожара чёрный дым,
Когда пути иного нет,
Как сгинуть молодым...

Ну что это за путь такой:
Повсюду сеять смерть?!
На слёзы матерей рекой
За что всем нам смотреть?!

Огонь убийственных страстей
Обуглит души в крик,
В глазах напуганных детей
Мольбы и страха лик –

Я не приемлю мир таким!
Но чья же в том вина,
Что где-то, миру вопреки,
Безумствует война...

Я променял бы жизни знак:
Мечты, надежды, сны –
На то, чтоб реял белый флаг
Над маревом войны!

Щитов Иван

Ты можешь быть полезен Родине

Ты можешь быть полезен Родине,
Когда в своем родном краю
И в много страждущем народе
Увидишь всю судьбу свою.

Из всех трагедий человечества
Одна страшней всех остальных –
Не видеть своего Отечества
Среди погибших и живых.

Совсем не знать его истории
И всех устоев бытия,
На необъятной территории
Не отыскать всего себя.

В труде, в культуре, в Православии
И в плодородии земли –
Во всём, что твои предки славили,
Родившись русскими людьми.

Какое счастье одной участью
Весь век с народом своим жить,
Гуляя с ним, молясь и мучаясь,
Во всём судьбу его делить.

Я лишь в тебе найду забвение
От всех духовных нечистот,
Распятие и воскресение,
Жизнь, смерть и божие спасение –
Великий Русский мой народ.

Щитов Иван

Я хочу, чтоб улыбались люди

Пусть меня за ветреность осудят
Те, кто жаждут сытости в тепле...
Я хочу, чтоб улыбались люди,
Что живут со мною на земле.

Всякие – хорошие, плохие,
Бедный и богатый наравне.
Чтоб друг другу радость все дарили,
Чтобы стало радостней и мне.

Мне не нужно ничего от века –
Ни богатств, ни славы, ни наград.
Я хочу лишь, чтобы человеку
Человек другой всегда был рад.

Знаю я, что это невозможно...
Доброта на свете не в чести.
Всё простое зачастую сложно
Разглядеть, принять, перенести.

Не хочу гадать, что дальше будет,
И блуждать догадками во мгле...
Я хочу, чтоб улыбались люди,
Что живут со мною на земле.

Чтоб не по бессчётности ошибок
Нас Господь судил, не за грехи,
А лишь по количеству улыбок,
Искренне подаренных другим.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агейкина Юлия 72
Алпатовая Елена 72
Ангузова Валерия 52
Апаликова Дарья 14
Арутюнян Виктория 14
Байков Роман 15
Беляева Виктория 15, 73
Бердинских Анастасия 16
Бикмуллина Зарина 9
Бобылев Дмитрий 12, 16, 52, 53, 73
Борисова Наталья 17, 53
Брестер Ирина 74
Вандич Валентина 17
Вдовенко Алесь 18
Вдовенко Артем 18
Великжанин Павел 6,7, 18-23, 54-58, 74-79
Воронков Виталий 23
Воротникова Елена 24
Гаврюшина Арина 25
Галипанова Марья 25
Гиацинтова Юлия 24, 58, 79
Дмитриева Елизавета 26
Дубинин Владимир 26-31
Дунаев Олег 31
Ермакова Александра 80
Заборцева Варвара 11, 80, 81
Завизион Елена 82
Касеева Клавдия 32
Классен Агата 32, 33, 59
Ковалева Татьяна 33, 83
Козин Михаил 34
Комиссарова Ирина 34

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Корнева Софья 35, 59
Кофанова Анастасия 35
Лионтер Владимир 36, 60, 84
Макушкина Олеся 36, 60
Мамлина Наталья 36, 61
Негматова Мария 37
Николаева Евдокия 38
Овсянникова Екатерина 38
Пазняк Евгений 39
Петренко Владимир 40
Петров Андрей 84
Пименов Анатолий 40, 61
Рассохина Валерия 84
Салмина Варвара 41
Ситенко Виктория 12, 62, 85
Сороколетова Екатерина 41
Стойко Артём 42, 62, 63
Титова Татьяна 86
Ткачук Денис 42
Товескин Константин 8, 63, 64, 87
Федоренко Елена 43, 65, 66, 88, 89
Фёдорова Вероника 66
Флавианов Владимир 43, 89
Фомина Дарья 43
Харитонов Евгений 10, 44, 45, 67
Цын Марина 46, 67, 89
Шафикова Анна 46, 90
Шпиякина Наталья 11, 47, 48
Шурыгин Андрей 90
Щитов Иван 10, 48, 49, 50, 68-70, 91
Юдина Анна 50
Ягналисва Лейла 9

СОДЕРЖАНИЕ

Ковальчук Сергей.	
Поэзия молодого поколения жива!	3
Юбилейный V Конкурс молодых поэтов на приз имени Бориса Богаткова	4
Раздел 1. Наши победители	5
Раздел 2. «Я только слышал о войне»	13
Раздел 3. Судьба и Родина едины!	51
Раздел 4. «Возьмёмся за руки, друзья!»	71
Алфавитный указатель	92

Память сердца:

Сборник стихов финалистов Конкурса молодых поэтов на приз имени Бориса Богаткова/ отв. за выпуск Л. А. Игнатова, нач. рекламно-издательского отдела МКУК ЦБС Октябрьского района. Дизайн, вёрстка и иллюстрации О. П. Ворониной. – Новосибирск: МКУК ЦБС Октябрьского района, 2021. – 96 с.: ил.

Новосибирская региональная общественная организация
сохранения историко-культурного наследия
«Библиотечное сообщество "Наследники Будагова"»

630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 26
Тел.: +7(383)266-95-77
nroo.budagov@cbstolstoy.ru
konkurs@cbstolstoy.ru

Печать: типография «Станция Печатная»
Тел.: 8-800-200-93-06; +7(383)227-92-41
info@terminalprint.ru
www.terminalprint.ru
Тираж 100 экз.

**Новосибирская региональная общественная организация
сохранения историко-культурного наследия
«Библиотечное сообщество "Наследники Будагова"»**

**630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 26
Тел.: +7(383)266-95-77
nroo.budagov@cbstolstoy.ru
konkurs@cbstolstoy.ru**

**Печать: типография «Станция Печатная»
Тел.: 8-800-200-93-06; +7(383)227-92-41
info@terminalprint.ru
www.terminalprint.ru
Тираж 100 экз.**